МАТРОССКІЕ ДОСУГИ.

—

СОЧИНЕНІЕ

В. И. Даля.

—

ИЗДАНО

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,

Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.

(Изданіе второе).

ЧАСТЬ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Морскаго Министерства.
1859.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

—

Стран.

Тендеръ Отвага 1
Вѣтеръ 4
Пьяница 5
Спасеніе изъ полону 7
Какъ рубятся 9
Реи и брасы 10
Треканье . . . . . —
Рогатый непріятель 11
Играй назадъ 15
Сигналъ . . . . . —
Наваринская битва 16
Подчиненность и послушаніе 27
Крушеніе Англійского корабля Репульсъ 31

Стран.

Англійскій пароходъ Авенжеръ 36
Французскій пароходъ Панама. 39
Загадки 41
Битва при Гогландѣ 42
Спасеніе утопающаго. 47
Конвойный. 50
Два корабля во льдахъ. 52
Коса на камень 56
Вольный морякъ Герасимовъ. 57
Конвойная команда. 62
Черкесскій плѣнникъ 64
Первый салютъ 72
Кладъ на кораблѣ. 76
Равный бой 78
Бортникъ на салингѣ 84
Опасеніе 85
Отецъ и братъ. 88
Хилковъ съ товарищами 89
Битва при Аѳонской горѣ 93
Кончина Петра Великаго. 97

ТЕНДЕРЪ ОТВАГА.

Не осталось у насъ теперь во флотѣ *бѣломорцевъ*, какъ ихъ называли, бѣломорскихъ матросовъ; а звали такъ тѣхъ, которые ходили у насъ еще съ Адмираломъ Сенявинымъ въ Бѣлое море, — да не въ Архангельское, не въ наше Русское, а въ Грецію да Италію. А было это время славное; кто служилъ тогда во флотѣ, видѣлъ много.

Въ 1807 году, во время войны съ Турками, Адмиралъ Сенявинъ, взявши островъ Тенедосъ, захватилъ въ гавани нѣсколько Турецкихъ купецкихъ судовъ. Въ этомъ числѣ попалось путное одно-мачтовое суденышко, которое удобно было передѣлать на скорую руку въ военное: поправили вооруженіе и оснастку, поставили

шесть фалконетовъ, назвали тендеромъ Безименкой и Мичманъ Харламовъ принялъ надъ нимъ команду.

Тендеръ Безименка посылался Адмираломъ по Архипелагу (по островитому морю) съ разными порученіями; такъ и на этотъ разъ, когда надъ нимъ встряслась было бѣда, возвращался онъ ночью на 18-е Іюня къ Тенедосу и увидѣлъ на пути много огней. Подошедши ближе, онъ узналъ эскадру нашу; отыскивая Адмиральскій корабль, онъ однакоже вдругъ очутился подлѣ стопушечнаго корабля, котораго въ эскадрѣ Сенявина не бывало. Безименка догадался, что попалъ не въ свои сани; это былъ Турецкій флотъ. Адмиралъ Сенявинъ съ намѣреніемъ отошелъ отъ Тенедоса, чтобы заманить Турокъ, а они заняли мѣсто наше у этого острова. Дѣло плохо; а время подходило къ разсвѣту; обознался бѣдняжка на свою голову.

Какъ быть? Не драться стать тендеру съ цѣлымъ флотомъ; а уйти также нельзя: зачесался въ самую середку. Коли сила не беретъ, подумалъ Харламовъ, такъ не попытаться ли обмануть оплошнаго? Возьму грѣха на-душу, нечего дѣлать: мундиры долой, ребята, и зипуны долой—а пуще всего фуражки; и наряднлъ всю небольшую команду свою въ бѣлыя

рубахи, да напуталъ имъ изъ флагдуку чалмы на голову. Оставивъ не много людей на верху, приказалъ онъ и тѣмъ сидѣть поджавъ ноги и курить, а флага, разумѣется, не подымалъ.

Расвѣло—тендеръ нашъ идетъ спокойно съ Турецкимъ флотомъ, и никому не вдогадъ. Что будетъ, то будетъ—а поколѣ все благополучно. День прошелъ, ночь настала, тендеръ идетъ съ Турками; говорится: попалъ въ стаю—лай не лай, а хвостомъ виляй. Куда поведетъ насъ новый флагманъ—думаетъ Харламовъ—не знаю, а до поры пойдемъ за нимъ.

1882 г.

На расвѣтѣ 19-го Іюня вдругъ на вѣтрѣ показался парусъ, другой, третій — это эскадра Адмирала Сенявина! Забилось ретивое у Безименки: а молчитъ. Увидавъ Турецкій флотъ, эскадра наша тотчасъ стала спускаться на него полнымъ вѣтромъ; Турки начали строиться въ боевой порядокъ, приводить къ вѣтру, а тендеръ нашъ, либо по ошибкѣ не въ ту сторону руля положилъ, либо плохо управился съ парусами, и остался подъ вѣтромъ. Турецкій Адмиралъ разсудилъ, что и вирямъ же не строиться стать тендеру въ линію баталіи, а мѣсто его, какъ у всѣхъ мелкихъ судовъ, подъ вѣтромъ; да только не хорошо, что онъ далеко спустилея, могъ бы держаться поближе.... но тутъ

было не до тендера, когда непріятель на носу и строится къ бою.

Къ осьми часамъ утра эскадра наша подошла на самое близкое разстояніе и открыла огонь; началось сраженіе, весьма неудачное для Турокъ, и описанное въ книжкѣ этой подъ заглавіемъ: *Сраженіе при Афонской горѣ*,—а тендеръ между тѣмъ въ охабку, купакъ и шапку, да скорѣй домой. Когда Адмиралъ Сенявинъ, разбивъ Турокъ, воротился опять къ Тенедосу, то тендеръ давно уже стоялъ тамъ на якорѣ, покачивался да посмѣивался. Адмиралъ, за эту удалую шутку, приказалъ тендеру называться *Отвагой*.

Такимъ образомъ тендеръ этотъ самъ заслужилъ имя свое: родила его мать бусурманка, приняли его плѣннаго и позаботились одѣть и обуть; а когда онъ показалъ себя на дѣлѣ, такъ его и окрестили и по заслугамъ пожаловали.

ВѢТЕРЪ.

Подумаешь, страстей-то сколько на морѣ бываетъ—сказалъ мужичекъ, бесѣдуя съ земля-

комъ своимъ, матросомъ—а все стало быть отъ вѣтру?—Отъ вѣтру, отьѣчалъ матросъ.

А отчего жъ это вѣтеръ бываетъ на землѣ—продолжалъ тотъ?

Такой запросъ озадачилъ было матроса, которому никогда не приходило на умъ призадуматься надъ вѣтромъ; но какъ человѣку бывалому, нельзя же было ему оставаться въ долгу.

Отчего вѣтеръ—да вишь сверху то небо, а снизу-то вода, либо земля; а съ боковъ-ту ничего нѣтъ; ну, оно и продуваетъ.

пьяница.

Была у мужичка пьяная хозяйка, и пропивала она все что было въ домѣ и бѣдный мужикъ колотился съ нею, какъ рыба объ ледъ. Что мужикъ мѣшкомъ въ домъ принесетъ, то хозяйка его рукавомъ разтрясетъ.—Какъ быть? —Ужъ бралъ онъ грѣха на душу, не разъ училъ ее хворостиной; ужъ и къ волостному важивалъ —нѣтъ, ничто не беретъ: зарекается, да только отъ воскресенья до поднесенья; а какъ случай придетъ, то и закутитъ опять, хоть святыхъ вонъ.

Мужикъ мой и придумалъ постращать ее тѣмъ, что какъ-де ты напьешся, такъ и обмираешь, ровно мертвая; вѣдь, упаси, Боже—я похороню тебя живую! Баба перепугалась, въ слезы; смерти она видно больно боялась и зареклась опять, что пить не станетъ.. Ну, поворитъ мужикъ, какъ знаешь; а гляди, что коли опять напьешся; то быть тебѣ въ землѣ! Я вотъ и намедни чуть было не похоронилъ тебя!

Крѣпилась и держалась она сколько-то времени; однако прорвало ее таки и напилась мертвецки. Приходитъ хозяинъ съ работы и ударилъ объ полы руками. Какъ быть?

Подумавъ, онъ снесъ ее въ подполье, положилъ въ стѣнѣ, загородилъ отъ воли доской, а самъ легъ по отдаль, чтобы подстеречь что будетъ, какъ она выспится да проснется.

Проснулась моя баба, стала сперва молиться да креститься, присѣла, оглядѣлась въ потьмахъ, заревѣла, да и спрашиваетъ: батюшки мои, да гдѣжъ я теперь?—

Какъ гдѣ, отвѣчаетъ хозяинъ, тебя вчера схоронили—и отецъ Иванъ отпѣвалъ; теперь некуда дѣваться, сиди съ нами.

Да вы же кто такіе?

Извѣстно кто: и мы покойники, живемъ тутъ, подъ землей.

Отцы мои, завопила баба, вотъ когда смерть моя пришла? Вотъ когда Господь наказалъ за прегрѣшенія мои! Отцы родные, кормильцы, да нѣтъ ли у васъ тутъ, хоть бы чего съ горя выпить....

Бѣдный мужикъ плюнулъ, всталъ и полѣзъ изъ подполья въ избу.

СПАСЕНІЕ ИЗЪ ПОЛОНУ.

Послѣ неудачной Нарвской битвы 19 Ноября 1700 года, за которую Петръ Великій позже отмстилъ Шведамъ, непріятель нарушилъ условія, заключенныя съ Шереметевымъ о сдачѣ; нетерпѣливый и недобросовѣстный, храбрый Король Шведскій Карлъ XII, самъ начальствовавшій войсками своими, кинулся на отступавшую черезъ рѣку Нарову растроенную армію нашу, вопреки заключеннаго условія, и захватилъ, что могъ. Большая часть генераловъ, а въ томъ числѣ и Князь Яковъ Ѳедоровичь Долгорукій, взяты были имъ, объявлены плѣнными и отправлены въ Швецію.

Князь Долгорукій томился въ неволѣ одиннадцать лѣтъ. Въ 1711 году, въ числѣ сорока-

четырехъ другихъ Русскихъ плѣнниковъ, Шведы отправили его изъ города Якобштата въ городъ Умео; переходъ этотъ надо было сдѣлать моремъ и плѣнниковъ посадили на шкуну.

Осмотрѣвшись, Князь Яковъ Ѳедоровичъ увидѣлъ, что есть надежда къ спасенію: Шведовъ было на шкунѣ всего двадцать человѣкъ, а нашихъ сорокъ-четыре. Условились, чтобы во время суботней всенощной, которую служилъ на судиѣ плѣнный же священникъ нашъ, при словахъ службы: *дерзайте убо*, бросить вдругъ весла—шли на греблѣ, а плѣнниковъ Рускихъ посадили въ весла; при словахъ же: *дерзайте, люди Божія*, каждымъ двоимъ Русскимъ схватить по Шведу, и если который изъ нихъ станетъ противиться, то выкинуть его за бортъ.

Сказано, сдѣлано. Шведы не успѣли опомниться, ничего не ожидая, какъ вдругъ всѣ были схвачены и перевязаны. Князь Яковъ Ѳедоровичъ самъ бросился на шкипера и, приставивъ ему ножъ ко груди, закричалъ: Если хочешь быть живъ, то вези насъ домой—въ Кронштатъ или Ревель!

Шкиперу надо было повиноваться, хотя дѣло было не совсѣмъ легко исполнить. Шкуна эта назначена была только для береговаго плаванія и на ней не было ни картъ, ни свѣду-

щаго или бывалаго морехода. Но Богъ пособилъ нашимъ; дошедши благополучно до острова Дакто, Князь Долгорукій разсудилъ отпустить Шведовъ, кромѣ одного только шкипера, и оттуда отправился и прибылъ 19-го Іюня 1711 года на плѣнной шкунѣ въ Ревель. Здѣсь подняли они Рускій флагъ и, отсалютовавъ крѣпости, бросили якорь.

Государь обнялъ старика Князя со слезами радости и, называя спасеніе его чудеснымъ, взыскалъ его милостями своими и вскорѣ пожаловалъ ему двѣ дворцовыя волости въ вотчину.

КАКЪ РУБЯТСЯ.

— Вотъ, знаешь, какъ сцѣпились мы на абордажъ, какъ бортъ съ бортомъ свалились— такъ пошла тебѣ такая схватка, что небу жарко стало; только чикъ-чикъ, чикъ-чикъ—искры летятъ, а ни у кого въ рукахъ не видать ни тесака, ни интрепеля.....

— Да отчего же не видать?

Отъ того, что больно шибко рубятся: только тебѣ мелькаетъ, мельтешитъ въ глазахъ....

— А я и не то еще видалъ; я видалъ дво-

ихъ бойцовъ, такихъ проворныхъ, что одной саблей рубились!

Какъ такъ одной саблей?

Да такъ, шибко больно рубились: одинъ рубнетъ, перекинетъ, тотъ подхватываетъ, отбиваетъ ударъ, самъ рубитъ, опять перекидываетъ — и пошли писать.

РЕИ И БРАСЫ.

Реи расхвастались, что не боятся никакого вѣтра, а поворачиваются во всѣ стороны, куда нужно, и корабль идетъ впередъ, и все цѣло.

Дураки вы, сказали брасы, а что бы съ вами было безъ насъ?

Говорится пословица: на возжахъ и лошадь умна.

ТРЕКАНЬЕ.

На пристани у вдовы лѣсника утащили ночью бревно. Она пришла жаловаться, просила розыскать и говорила, что бревно это навѣрное ута-

щили солдаты, которые стояли въ береговыхъ казармахъ.

«Да отчего же солдаты, сказалъ начальникъ; «коли не видала, такъ зачѣмъ на нихъ клеплешь? Я думаю, вѣрнѣе положить можно, что это проказы матросовъ».

«Нѣтъ, батюшка, отвѣчала та; «воля ваша, а больше некому, какъ солдатамъ: кабы матросы, такъ они бы трекали; а этого не слыхать было».

РОГАТЫЙ НЕПРІЯТЕЛЬ.

Въ 1827 году, по смутамъ въ Греціи, по своевольству Турокъ, Русская, Англійская и Французская эскадры были въ Средиземномъ морѣ. Чтобы понудить къ объясненію Ибрагима-Пашу, который занялъ Греческій городъ Наваринъ и рѣзалъ Грековъ, вошли въ Наваринскую гавань соединенныя эскадры, подъ главнымъ начальствомъ Англійскаго Адмирала. У насъ флагманомъ былъ Адмиралъ Графъ Гейденъ. Въ гавани стоялъ, кружаломъ или подковой, Турецко-Египетскій флотъ, подъ началомъ Тагиръ-Паши, всего малыхъ и большихъ до 90 судовъ; а въ соединенныхъ эскадрахъ 10 ли-

нѣйныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 2 корвета 1 бригъ, 2 шкуны, 2 тендера, итого 27. Турки, не говоря худаго слова, пустили первое ядро: только и видѣли они бѣлый свѣтъ; весь флотъ ихъ положили лоскомъ. Сами накликали на себя бѣду. Три эскадры стали на якорь подковой же, внутри Турецкаго флота, и въ одинъ мигъ свѣтъ затмился дымомъ, зѣмли и воды дрогнули отъ пушечной пальбы. Одинъ за другимъ полетѣли на воздухъ Турецкіе и Египетскіе корабли — только этимъ огнемъ и освѣщалась тьма кромѣшная, потому что отъ дыму день сталъ ночью.

Но Наваринскую битву опишемъ мы по себѣ, въ другомъ мѣстѣ; дѣло это рѣшило судьбу бѣдныхъ Грековъ: тяжело лежала на нихъ Турецкая рука — да какъ ни сжимала кулакъ, а распустила пальцы и дала Грекамъ свободу.

Были и мы Русскіе когда-то подъ властію Татаръ (годовъ тому 400); но когда встряхнулись, да скинувъ ихъ съ шеи, потоптали ногами, то были у насъ свои же Великіе Князья. Они народъ Русскій и собрали и повели на Татаръ; они же и правили имъ послѣ, изъ нихъ же вышли Цари наши и Государи. Но Грекамъ изъ своихъ некого было надъ собою поставить: у нихъ никого Царской или Великокняжеской

1882 г.

крови не было. Поэтому дали имъ въ Правители Русскаго вельможу, родомъ изъ Грековъ; онъ ими и правилъ. Эскадра наша ушла домой, а остался одинъ фрегатъ и три брига, подъ началомъ Адмирала Петра Ивановича Рикорда.

Между тѣмъ у Грековъ пошла разноголосица, неурядица, стали ходить бунтовщики и разбойники большими шайками — и, наконецъ, убили своего Правителя. И пошла кутерьма.

Въ это самое время наша эскадра пришла въ Грецію. Грабежъ и разбой по всему Государству, а начальства нѣтъ. Въ 1832 году сильная шайка бунтовщиковъ стала подступать подъ главный портовой городъ, Наполи-ди-Романія; вотъ Русскіе съ Англичанами и Французами и высадили десантъ и заняли всѣ караулы въ городѣ и въ крѣпости вмѣстѣ съ Греками.

Все это не сказка, а присказка; вотъ теперь только добрались мы до того случая, о которомъ хотѣлъ я расказать, о матросѣ Морозовѣ.

Нашъ матросъ Морозовъ, по занятія Навпліи, стоялъ на часахъ, рядомъ съ Греческимъ часовымъ, на мосту. Откуда ни возмись бѣшеный быкъ, сорвавшійся съ бойни, и летитъ вдоль по улицѣ, задравъ хвостъ: глаза налились кровью, самъ ревetъ, землю роетъ.... Съ эдакимъ быкомъ шутка плоха; на кого ни але-

тить, черезъ себя перемахнетъ, и конецъ. Народъ передъ нимъ разсыпается, старый за малаго хоронится; набѣжалъ быкъ ближе — Греческаго часоваго какъ не бывало, ушелъ подъ мостъ. Морозовъ стоитъ, съ притина своего сойти не смѣетъ; а что и того хуже, — ружье заряжено пулей, да онъ стрѣлять не смѣетъ: сказано безъ приказанія не стрѣлять, беречь пулю про крайній случай. Морозовъ стоитъ сердечный — а быкъ, закрутивъ головой да промычавъ, прямо на него..... Морозовъ кинулъ ружье на руку и пошелъ на рогатаго непріятеля въ штыки; мудреное дѣло, скажете, да за смѣлаго Богъ. Быкъ только что подскочивъ намахнулся отъ земли рогами, чтобъ смѣнить нашего Морозова на вѣкъ съ часовъ — анъ этотъ всадилъ ему штыкъ промежъ роговъ въ самую становую жилу — и духъ вонъ.

Вотъ дивились богатырю, такъ дивились! И Греки сбѣжались, и Французы и Англичане нарочно пріѣзжали на фрегатъ нашъ, чтобъ полюбоваться на него. Государь пожаловалъ Морозова ста рублями, а изогнутый штыкъ его хранили для памяти, при экипажѣ (*).

(*) Этотъ штыкъ находится теперь въ арсеналѣ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала.

ИГРАЙ НАЗАДЪ

Гуляя въ праздникъ, матросъ угостилъ себя и товарищей музыкой: они встрѣтили цыгана со скрипкой. Натѣшившись вволю, хозяинъ пирушки этой далъ цыгану гривну и пошелъ было съ товарищами своимъ путемъ; но скрипачъ нашелъ, что ему за труды мало гривны и сталъ неотступно просить еще хоть пятака. Одинъ камаринскій больше стоитъ, говорилъ цыганъ жалобно и настоятельно, а я камаринскаго сыгралъ вамъ разъ десятокъ.

Нѣтъ у меня ни гроша, сказалъ матросъ, хоть обыщи сей часъ; а коли ты сыгралъ намъ лишку, такъ давай самъ сдачи; играй камаринскаго на пятакъ назадъ!

СИГНАЛЪ.

Сигналы! Закричалъ сигнальный часовой, и штурманскій ученикъ бросился сломя голову и ухватился за трубу..... «Семь-сотъ не ви-

дать—какой!»—«Кажется, бѣлый съ краснымъ пополамъ!»—«Ну, такъ это взять рифы!»—«Да румбовые есть, румбъ нордъ-вестъ!»—«Взять рифы на румбъ нордъ-вестъ!»

Штурманскій ученикъ до того засуетился, что тогда только опомнился, когда ужъ выговорилъ эту чепуху. Суетливъ—заботливъ: обувшись парится: сѣдлай порты, надѣвай коня!

НАВАРИНСКАЯ БИТВА.

Лѣтъ шесть уже боролись Греки съ Турками и хотя были гораздо послабѣе, но все еще держались. Турки пришлись душить и рѣзать ихъ, гдѣ могли одолѣть, поголовно. Государи Русскій, Англійскій и Французскій условились кончить дѣло это и потому, приказавъ посланникамъ своимъ переговариваться въ Царьградѣ, въ тоже время выслали по эскадрѣ въ Средиземное море, къ Греческимъ берегамъ, чтобы понудить Турецкаго Адмирала къ перемирію съ Греками, до окончанія переговоровъ и условій.

Турецкій Адмиралъ, Ибрагимъ-Паша, стоялъ въ это время съ флотомъ въ Наваринской гавани; ему объявили требованіе трехъ союз-

ныхъ Державъ и онъ далъ слово остаться въ гавани и выждать повелѣній Султана. Черезъ нѣсколько дней онъ видно одумался и вышелъ было со всѣмъ флотомъ въ море: но Англійскій Адмиралъ принудилъ его воротиться, войти опять въ Наваринскую гавань и стоять тамъ, какъ обѣщано было, на якорѣ. Не охотно покорился этому Ибрагимъ-Паша, но не рѣшаясь противиться, думалъ объѣхать насъ на кривыхъ: въ досадѣ что его заставили воротиться, онъ высадилъ въ Наваринѣ войско на берегъ и пошелъ самъ съ нимъ опустошать Греческую землю, грабить, жечь и рѣзать. А надо сказать, что городъ, крѣпость и гавань Наварина были уже до этого въ рукахъ у Турокъ, а вся земля вокругъ населена Греками и оставалась еще за ними. Вотъ Ибрагимъ-Паша и думалъ: пусть же гараулятъ меня съ моря—а я тѣмъ часомъ позабавлюсь на берегу.

Между тѣмъ подоспѣли и Французская и наша эскадры; наша подъ начальствомъ Адмирала Графа Гейдена. Три эскадры соединились и главное начальство принялъ Англійскій Адмиралъ Кодрингтонъ, какъ старшій въ чинѣ.

Узнавъ, что Ибрагимъ-Паша опять отступилъ отъ слова своего и безчинствуетъ съ войсками на берегу, Главнокомандующій, въ полдень

8-го Октября 1827 года далъ сигналъ войти въ гавань; но въ тоже, время надѣясь еще кончить дѣло миролюбно, строжайше запретилъ не только начинать дѣла, но даже подавать чѣмъ нибудь видъ, будто мы хотимъ ссориться или драться.

Гавань эта, съ довольно узкимъ входомъ, который прикрытъ крѣпостями, очень просторна: тамъ могли бы стать едва ли не всѣ флоты въ мѣстѣ, сколько ихъ есть на свѣтѣ. Турецко-Египетскій флотъ, всего до 65-ти большихъ и малыхъ военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 5 брандеровъ и до 30 транспортовъ, сталъ въ три линіи, подковой, вкругъ всей гавани; всего у нихъ было 2082 пушки и 18,700 человѣкъ экипажа; на каждомъ 84 и 74 пушечномъ кораблѣ (которыхъ всего было 8) находились 4 пушки, могущія бросать мраморныя ядра въ три пуда вѣсомъ. Союзный флотъ имѣлъ всего 10 линѣйныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 2 корвета, 1 бригъ, 2 шкуны, 2 тендера—итого 27 судовъ; въ томъ числѣ Русскихъ 4 корабля и 4 фрегата. Союзный флотъ сталъ входить въ гавань: впереди Англійскій Адмиралъ, на кораблѣ Азія; съ Наваринской крѣпости, у входа на горѣ, сдѣлали холостой, сигнальный выстрѣлъ, и все утихло. За Англійскою начала вступать Францзская эскадра (Адмиралъ Риньи).

Наша эскадра шла послѣднею и потому проходила между огнемъ крѣпости и береговыхъ батарей, которыя молчали при проходѣ Англiйской эскадры. На эти выстрѣлы, наши не отвѣчали, а спѣшили къ мѣсту; она стала бортъ о бортъ съ Турецкими кораблями, по лѣвую руку отъ входа, между тѣмъ какъ Англiйская и Французская эскадры заняли средину и правую сторону подковы. Нашъ адмиральскiй корабль *Азовъ* (Капитанъ 1 ранга Лазаревъ), подъ флагомъ Контръ-Адмирала Графа Гейдена, сталъ ближе всѣхъ къ срединѣ; отъ него ко входу въ гавань: *Гангутъ* (Командиръ Авиновъ), *Iезекiилъ* (Командиръ Свинкинъ), *Александръ Невскiй* (Командиръ Богдановичъ); фрегаты: Проворныiй, Елена, Касторъ и Константинъ.

Главная сила Турокъ находилась по правую руку при входѣ въ гавань. Тутъ стояло, въ первой линiи, два линѣйныхъ корабля ихъ и четыре двухдечныхъ фрегата; далѣе одинъ большой фрегатъ, линѣйныiй карáбль и три фрегата различной величины,—а во второй линiи мелкiя суда; по обоимъ концамъ подковы, у входа въ гавань и стало-быть на вѣтрѣ, стояло 5 брандеровъ.

Англiйскiй адмиральскiй корабль, Азiя, бросилъ якорь передъ Турецкимъ и Египетскимъ

адмиральскими кораблями, которые стояли оба рядомъ; за ними подошли прочіе Англійскіе, а потомъ Французскіе корабли. Шлюпка съ Англійскимъ офицеромъ съ фрегата Дармута, посланная къ Турецкому Адмиралу, проходила мимо брандера, съ котораго вдругъ ружейнымъ залпомъ убили этого и офицера нѣсколькихъ матросовъ. Французскій адмиральскій фрегатъ Сирена стоялъ вплоть подлѣ этого брандера и Египетскаго фрегата, и могъ бы потопить тотчасъ виновный брандеръ, но надо было дать время Англійской шлюпкѣ удалиться: Египетскій фрегатъ не выдержалъ и первый пустилъ два ядра въ Сирену; она тотчасъ же отвѣтила всѣмъ лагомъ и почти съ перваго разу уничтожила своего непріятеля.

Въ тоже время какъ и при входѣ въ гавань, Англійскій Адмиралъ послалъ на шлюпкѣ другаго офицера увѣдомить Турецкаго Адмирала, что если самъ онъ не начнетъ дѣла, то мы драться не хотимъ. Вмѣсто отвѣта, и этотъ офицеръ былъ убитъ изъ ружья, а Турецкій адмиральскій корабль пустилъ нѣсколько ядеръ. Тогда Азія, Англійскій флагманъ, открылъ такой страшный огонь, что оба непріятельскіе адмиральскіе корабля вскорѣ разбиты были въ пухъ.

При первомъ выстрѣлѣ, которымъ убитъ былъ Англійскій переговорщикъ, Русская эскадра вступила въ гавань и должна была выдержать сильный огонь береговыхъ батарей, которыя дотолѣ молчали. Она пустилась на лѣво, вдоль Турецкаго флота, бросая якорь бокъ о бокъ съ непріятелемъ; пашъ Азовъ сталъ противъ адмиральскаго корабля Тагира-Паши, и не прежде, какъ занявъ свое мѣсто, корабли наши открыли убійственный огонь противу тройной линіи Турецкаго флота.

Четыре часа безъ умолку страшный громъ пушекъ раскатывался по простору—дымъ налегъ черной тучей на всю обширную гавань; Турки смолкли—замолчали и наши: а когда вѣтеръ, дувшій отъ входа въ гавань, согналъ тучи дыма на берегъ, къ горамъ, то увидѣли что Турецко-Египетскаго флота нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, видно у насъ рука легка: была бы шея крѣпка. Ядра нашихъ трехъ эскадръ въ четыре часа уничтожили наголо болѣе 60-ти непріятельскихъ судовъ, въ томъ числѣ корабли трехъ адмираловъ Турецкихъ: Тагира Паши, Капутанъ-Бея и Мохаремъ-Бея. Всѣ были потоплены, либо горѣли ярымъ пламенемъ, либо сбиты на берегъ и брошены экипажами.

Пороховой дымъ угнало вѣтромъ, а теперь всю гавань покрылъ огонь. Турецкіе корабли горѣли, словно въ запуски, и страшные взрывы, одинъ за другимъ, оглушали окрестность и встряхивали городъ Наваринъ и прибережныя горы.

Не много времени четыре часа, а много тутъ сталось дивнаго и славнаго для насъ и нашихъ союзниковъ.

На Французскій корабль Спиціонъ навалилъ брандеръ Турецкій, такъ что бушпритъ Спиціона завязъ въ снастяхъ и вантахъ фокъ-мачты брандера. Пламя по вѣтру уже заливало въ открытые порты; картузы загорались въ рукахъ матросовъ; трижды загорался корабль въ разныхъ мѣстахъ и девять матросовъ погибли отъ ожеговъ, при стараніи освободиться отъ брандера. Его благополучно оттащили буксиромъ и пустили подъ вѣтеръ, на Турецкій же флотъ.

Французскій адмиральскій фрегатъ Сирена, подошедъ на пистолетный выстрѣлъ къ двухъ палубному Турецкому фрегату, залпомъ поднялъ его на воздухъ—и самъ едва только спасся, потерявъ при взрывѣ свою бизань-мачту.

Англійскій адмиральскій корабль Азія, не давъ непріятелю своему времени очнуться, по-

ложилъ на палубахъ Турецкаго Адмирала до 650 человѣкъ, избивъ корабль его въ рѣшето.

Нашъ Азовъ связался вдругъ съ пятью большими военными судами: тогда Французскій корабль Бреславль, обрубивъ капатъ, подошелъ на помощь и сталъ поперегъ, подъ кормой Азова, прикрывъ его отъ продольныхъ выстрѣловъ. Азовъ разбилъ въ щепу двухдечный фрегатъ Тагира-Паша, сбилъ на берегъ 80-ти пушечный корабль, который, сгорѣлъ, и вмѣстѣ съ Бреславлемъ потопилъ еще два большихъ фрегата и корветъ. Изъ 600 человѣкъ команды на кораблѣ Тагира-Паши, до 500 было убито и ранено. Лейтенанту Бутеневу, на Азовѣ, оторвало руку: его только насильно могли отвести отъ пушекъ на перевязку, гдѣ ему тотчасъ отрѣзали руку по плечо; въ это самое время раздалось громкое ура команды, на гибель Тагира-Паши: Бутеневъ вырвался, вскочилъ и подхватилъ громкимъ голосомъ ура!

Командиръ корабля Іезекіилъ капитанъ Свинкинъ, тяжело раненый картечью въ началѣ сраженія, остался на ютѣ и командовалъ до конца,

Гангутъ разбилъ фрегатъ Турецкій и нѣсколько корветовъ и бриговъ; Іезекіилъ также разбилъ большой фрегатъ и нѣсколько мелкихъ

судовъ; а на долю Александра Невскаго достался двухдечный фрегатъ, которыхъ у Турокъ было много, да два корвета.

Англійскіе бриги Москито и Филомель, завязавшіе, у самаго входа въ гавань, дѣло съ четырмя брандерами, попались было въ такой перекрестный огонь, что послали шлюпку просить помощи у сосѣдей; наши фрегаты Кастор и Константинъ кинулись съ такимъ рвеніемъ на выручку, что столкнулись было, бросая якорь. Одинъ изъ Англійскихъ бриговъ много потерпѣлъ и потерялъ всѣ якоря; нашъ Константинъ взялъ его на бакштофъ и продержалъ всю ночь.

Разбитый Азовомъ Египетскій адмиральскій корабль отрубилъ канатъ и привалился къ берегу; по часу въ 12-мъ ночи вѣтеръ измѣнился, снесъ Тагира-Пашу съ мели и понесъ его поперегъ линіи нашей по гавани, такъ, что онъ навалилъ на Гангутъ. Этотъ встрѣтилъ его залпомъ и экипажъ кинулся на абордажъ, но корабль Тагира былъ уже зажженъ Турками въ шести мѣстахъ и пущенъ вмѣсто брандера. Насилу успѣли съ Гангута погасить пожаръ, потомъ, срубивъ бушпритъ у Тагира, отсунули его шестами. Азовъ также едва только успѣлъ отрубить канатъ, чтобы избавиться отъ этого

гостя. Въ это самое время взорвало на воздухъ ближайшій Турецкій фрегатъ.

Вообще въ дѣлѣ этомъ, гдѣ флоты дрались ставъ тѣсными рядами на якорь, а Турки съ навѣтру пустили шесть брандеровъ, отъ гостей этихъ была большая опасность; но бѣды никакой не случилось, а напротивъ, всѣ брандеры благополучно пропущены сквозь нашу линію и за тѣмъ наваливали на самихъ Турокъ.

При разбитіи Азіею Турецкаго адмиральскаго корабля, пособилъ и нашъ Азовъ. Когда Бреславль (Французскій) выручилъ его, какъ уже расказано было выше, и Азовъ напъ вздохнулъ посвободнѣе, то 80-ти пушечный корабль Мохаремъ-Бея, съ которымъ дралась Азія (Англійскій), повернулся прямо кормой къ нашему Азову. Это случилось отъ того, что Мохарему перебило ядромъ шпрынгъ. Увидавъ это, на Азовѣ тотчасъ отдѣлили 14 орудій, чтобы бить Мохарема, и разбили ему всю корму; а когда вслѣдъ за тѣмъ у него въ констапельской загорѣлось, то сильнымъ картечнымъ огнемъ съ Азова не давали Туркамъ приступиться къ тому, чтобы тушить у себя пожаръ, почему Мохаремъ сгорѣлъ и взлетѣлъ на воздухъ.

Въ дѣлѣ этомъ три адмиральскіе корабля болѣе всѣхъ потерпѣли; между прочимъ Англій-

скій потерялъ бизань-мачту, а Французскій гротъ и бизань-мачты; у Азова всѣ мачты такъ избиты, что онъ и при фальшивомъ вооруженіи съ трудомъ только могъ нести паруса. На Азовѣ въ самомъ корпусѣ было 153 пробоины и 7 подводныхъ.

Во время сраженія, между судами нашими взорвало 13 Турецкихъ военныхъ судовъ, да ночью и на другой день еще 18; изъ всего Турецкаго флота остался 1 фрегатъ и до 15-ти мелкихъ судовъ. Не мудрено было бы и ихъ уничтожить; но Адмиралы не хотѣли этого, какъ и не хотѣли брать ихъ въ плѣнъ, такъ какъ въ то время не было объявлено Туркамъ войны и вся битва Наваринская была только оборона и наказаніе отъ насъ беззаконнымъ зачинщикамъ.

Когда Государь нашъ съѣзжалъ съ Азова, готовившагося отплыть изъ Кронштата въ Средиземное море, то сказалъ: «Надѣюсь, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріятелемъ по-Русски.» Англійскій Адмиралъ Кодрингтонъ, Главнокомандующій тремя союзными эскадрами, сказалъ за нѣсколько дней передъ этимъ дѣломъ Ибрагиму-Пашѣ, Турецкому Главнокомандующему: «Мы не начнемъ; но если хотя одинъ выстрѣлъ сдѣланъ

будетъ по союзному флоту, то всего Турецко-Египетскаго флота не станетъ.»

Ни мы, ни союзники наши охулки на руку не положили. У насъ, на Русской эскадрѣ, всего убито: офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 57; ранено офицеровъ 18, въ томъ числѣ командиръ Свинкинъ;—нижнихъ чиновъ 121.

И дорого, да мило!

ПОДЧИНЕННОСТЬ И ПОСЛУШАНІЕ.

Атаманомъ артель крѣпка; а безъ запѣвалы и пѣсня не поется. Безъ пастуха, овцы не стадо; а безъ матки, пчелки пропащія дѣтки. Кто придумалъ пословицы эти? Сами вы, ребята, во славу свою, придумали эти пословицы, и еще много такихъ же, и потому вамъ нельзя отрекаться отъ своего же приговора: надо повиноваться одному начальнику. Безъ этого нельзя ни жить, ни умереть.

А каково́ же военному человѣку, да еще, сохрани Богъ, въ часъ бѣдствія, безъ начальника или безъ повиновенія?

Въ войну Французовъ съ Англичанами, въ

концѣ прошлаго вѣка, за Французскимъ семидесятнымъ кораблемъ Друаделомъ увязались два Англійскіе фрегата; Французскій капитанъ, Лакросъ, былъ, какъ видно, человѣкъ опытный и храбрый; онъ объявилъ, что скорѣе пуститъ корабль свой ко дну, но не сдастся—и онъ сдержалъ слово свое; но большая часть команды погибла, именно отъ неурядицы, отъ своевольства и неповиновенія.

И корабль и фрегаты были уже сильно избиты; первый, при жестокомъ волненіи, которымъ заливало нижнюю палубу, не могъ открыть нижнихъ портовъ и потому былъ слабѣе артиллерію. Оснастка и рангоутъ были у него сбиты, онъ не могъ править и въ ночи, при жестокомъ вѣтрѣ, былъ выброшенъ на отмель. Англійскіе фрегаты покинули его и ушли; оставалось заботиться только о своемъ спасеніи.

Но вся Франція была въ то время въ несчастномъ положеніи: у нея не было главы; народъ бунтовалъ, смирные и спокойные граждане удалились, заперлись, кто гдѣ могъ: остались одни буяны, головорѣзы, бобыли: они и хозяйничали. Этотъ духъ неурядицы перешелъ во всѣ части управленія, и отчасти также на флотъ. Когда настала минута бѣдствія

и командиръ началъ принимать мѣры спасенія, то всякъ самъ себя считалъ старшимъ и приказанія не исполнялись.

Жестоко несчастные были за это наказаны; большая часть ихъ въ неурядицѣ погибла. Такъ, напримѣръ, съ большимъ трудомъ успѣли спустить барказъ; командиръ сталъ распоряжаться, чтобы положить напередъ въ него раненыхъ и больныхъ, а также женщинъ и дѣтей, бывшихъ на кораблѣ, но команда бросилась, не слушая ни приказаній, ни угрозъ начальниковъ, и въ одинъ мигъ затопили барказъ,—послѣднее средство спасенія, и сами въ огромныхъ волнахъ потонули. Можетъ быть и въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда, коноводовъ было не много; первопачально бросились два-три человѣка; но худое перешмчиво; другіе подумали: а за что же намъ пропадать? И всѣ бросились за ними. Тутъ въ одинъ разъ потонуло болѣе ста человѣкъ, а съ ними пропалъ и баргазъ, тогда какъ прочія гребныя суда были уже потеряны или разбиты ядрами.

Англійская эскадра шла съ большимъ конвоемъ изъ Восточной Индіи; путемъ штормъ

размѣталъ всѣ суда и одно изъ нихъ, обращенное подъ транспортъ, положилъ на-бокъ; оно хотѣло поворотить по вѣтру и въ отчаяніи для этого срубили бизань-мачту, а послѣ и гротъ-мачту, но судно не вставало и подъ вѣтеръ не шло, а залитое волнами стало тонуть. Къ несчастію—въ семьѣ не безъ урода—въ этомъ случаѣ самъ командиръ потерялся; закричавъ: Спасайся! Онъ бросился за бортъ и первый потонулъ.

Одинъ изъ офицеровъ успѣлъ собрать около себя 13 человѣкъ, приказалъ имъ, осторожно и неторопясь, спустить шлюпку, и между тѣмъ какъ другіе, кто бросался за бортъ, кто топился вмѣстѣ съ яликомъ, въ которомъ обрубали кормовыя тали, когда носовыя не были вовсе отданы,—между тѣмъ, говорю, офицеръ этотъ спустилъ шлюпку въ порядкѣ и отвалилъ благополучно съ 13-ю человѣками: и вотъ въ глазахъ ихъ залитый транспортъ погрузился носомъ, потомъ и кормой; хвостъ кормоваго флага послѣднимъ оставался еще въ виду—мачтъ уже не было—и наконецъ еще одна громадная волна перекатилась, и судна не стало!

Офицеръ на яликѣ не терялъ духу: съ послушной командой своей онъ уже успѣлъ поставить парусъ и несся на фордевиндъ, отливая

шляпами воду. Шлюпка залита была по банки — но держалась; Офицеръ правилъ прямо на одинъ изъ подвѣтренныхъ кораблей конеч- но пронесся; одна волна откинула его на сятокъ сажень въ сторону. «Не робѣй, ребята, кричалъ онъ: только отливай!» И сталъ держать на другое судно, также бывшее подъ вѣтромъ. Съ него увидѣли во-время яликъ и бросили нѣсколько концовъ. «Смирно, ребята, сказалъ Лейтенантъ — никто не мечись, не бросайся, а слушайте приказанія: не бойтесь, я останусь здѣсь и не покину шлюпки, покуда не передамъ напередъ всѣхъ васъ на корабль; но слушайтесь, иначе всѣ погибнемъ!»

Всѣ 13 человѣкъ спаслись, и Лейтенантъ, какъ командиръ шлюпки, оставилъ ее послѣдній. Всѣ поочередно успѣли схватиться за конецъ и вылѣсть на судно, потому что никто не бросался впередъ, а всякій выжидалъ, по приказанію, своей очереди.

КРУШЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО КОРАБЛЯ РЕВУЛЬСЪ.

Въ одну изъ войнъ двухъ сосѣднихъ державъ, Англіи и Франціи, эскадра первой крей-

серовала въ проливѣ, который ихъ раздѣляетъ. Корабль Репульсъ былъ отряженъ Адмираломъ, для перехвата судовъ у Бреста. Первымъ несчастьемъ было, что командиръ, при сильной качкѣ, упалъ въ люкъ и убился до полусмерти. Затѣмъ, однакоже, Англичане благополучно отбили плѣненный Французами пакетъ-ботъ свой, но при пасмурномъ небѣ уже нѣсколько дней нельзя было наблюдать солнца; сильное теченіе унесло корабль къ непріятельскимъ берегамъ и онъ ударился о рифъ. Успѣли положить паруса на степьгу и вышли изъ каменьевъ, но безъ руля и съ такою течью, что въ полчаса вода поднялась до орлопъ-дека. Оставалось одно спасеніе: спуститься поспѣшно къ Французскимъ берегамъ и отдаться въ плѣнъ.

Поставили всѣ паруса, спустились кое-какъ и приставили всю команду къ отливкѣ воды и скидкѣ орудій и другихъ тяжестей за бортъ. Отдаваться въ плѣнъ, такъ жалѣть пушекъ нечего. Подвели также парусъ подъ киль, и это немного уменьшило течь.

Съ большимъ трудомъ удерживали корабль на водѣ; со свѣтомъ, при густомъ туманѣ, раздалась Французская зоревая пушка, которая показала, что берегъ былъ вплоть. Тогда только увидѣли берегъ этотъ, въ нѣсколькихъ саже-

ияхъ, отвѣсной скалой, выше мачтъ. Утлегерь почти уперся въ скалу, когда отраженіемъ, отбоемъ вѣтра отъ утеса, положило паруса на стеньгу. Корабль понесло вдоль берега и наконецъ поставило на мель; срубили мачты и спустивъ катеръ, стали перевозить команду на берегъ; но одинъ изъ Лейтенантовъ, перевозившій команду, рѣшился скорѣе пуститься въ море на катерѣ, чѣмъ отдаться въ плѣнъ. Онъ такъ расказываетъ дѣло это:

Открывшись товарищу, другому Лейтенанту, и получивъ согласіе его, я продолжалъ перевозить команду, а самъ готовился: я захватилъ компасъ, но въ сумотохѣ никакъ не могъ достать мачтъ и парусовъ. Высматривая годныхъ товарищей на перепутьи отъ корабля къ берегу, я также пригласилъ лоцмана, и онъ согласился. Первый Лейтенантъ, морякъ безстрашный, съ радостію пошелъ ко мнѣ въ товарищи и успѣлъ положить въ катеръ кусокъ вяленой говядины, сухарей и вина, также простынь и скатертей офицерскихъ, на паруса. На наше счастье, подняли мы съ воды мачты и реи гребныхъ судовъ, смытые водою съ нашего корабля.

Когда весь экипажъ былъ перевезенъ, насъ осталось на катерѣ, рѣшившихся итти въ Ач-

глію: три Лейтенанта, два Мичмана, лоцманъ и 8 матросовъ. Между тѣмъ какъ несчастные товарищи наши на берегу отдавались въ плѣнъ, мы воротились еще разъ на корабль, и взявъ съ бизань-русленей бывшую тамъ небольшую бочку съ прѣсной водой, пустились въ море.

Скажу еще кто и какъ погибъ при крушеніи этомъ: когда корабль нашъ въ первый разъ ударился о камень, то пять матросовъ, забывъ послушаніе и, думая только о своемъ спасеніи, бросились къ боканцамъ и, хотѣли спастись на шлюпкѣ; но обезпамятѣвъ, они отрубили напередъ одни тали, шлюпка повисла и всѣ пятеро утонули. Нѣсколько матросовъ успѣли перепиться; изъ нихъ также двое потонули, пустившись съ корабля по перлиню на-берегъ, да еще четверо, мертвецки пьяные, покинуты были на кораблѣ, который вскорѣ разбился. И они потонули.

Поставивъ парусъ съ яла вмѣсто фока, мы пошли попутнымъ вѣтромъ, позавтракали и принялись вооружать катеръ и шить паруса изъ простынь и скатертей. Вскорѣ мы его снарядили совсѣмъ. Но вотъ бѣда: бочка съ водой на русленяхъ нѣсколько разъ краснлась блекварнишемъ и вода такъ пропахла имъ, что

отъ нея тошнило. Мы и тутъ утѣшились: тѣмъ спорѣе она будетъ; меньше станутъ пить.

Около полудня мы заштилѣли, еще въ береговыхъ каменьяхъ, и насилу отгреблись отъ нихъ, при сильной зыби. Къ вечеру задулъ вѣтерокъ, но былъ намъ такъ крутъ, что мы едва только могли итти вдоль берега, подъ самыми батареями. Мы сняли шляпы и повязали головы платками, потому что Французскіе матросы шляпъ не носятъ, и насъ сочли за Французовъ. Ночью хотѣли мы укрыться отъ зыби въ заливъ и простоять тамъ на дрекѣ; но вдругъ часовой съ берега насъ окликнулъ: мы опять попали подъ батарею. Спѣшно подня въ паруса, мы скрылись въ потьмахъ. Нѣсколько матросовъ такъ были напуганы этою неудачей, что готовы были отдаться въ плѣнъ; но мы вышли въ проливъ и отстоялись тамъ, при сильной зыби, на дрекѣ; а къ полуночи подулъ намъ попутный вѣтеръ въ родную Англію.

На другой день по полудни, когда мы были только миляхъ въ 12-ти отъ Плимута, заштилѣло, а къ вечеру задулъ сильный противень, сѣверякъ. Въ такомъ крайнемъ положеніи лоцманъ нашъ взялся спуститься на Англійскій островокъ Джерсей; мы совѣтовались, опасаясь, чтобы не залило катеръ попутнымъ вѣтромъ

волнами, какъ вдругъ на SO трижды блеснула молнія. Суевѣрные гребцы наши закричали, что это знаменіе; островъ Джерсей былъ прямо на SO, и надъ нимъ-то блеснула молнія. Мы рѣшились тотчасъ же и спустились на SO.

Катеръ пошелъ легко и хорошо уходилъ отъ валовъ. Часа въ 2 по полудни, на другой день, мы увидѣли берегъ: общее ура его встрѣтило; это былъ Джерсей. Къ утру за тѣмъ, то есть, проносившись четверы сутки по морю, мы пристали къ острову и были дома. Поблагодаривъ Бога, вздохнули мы о бѣдныхъ товарищахъ своихъ, оставшихся въ плѣну, и стали готовиться на новую службу.

АНГЛІЙСКІЙ ПАРОХОДЪ АВЕНЖЕРЪ.

1847 года въ темную декабрскую ночь, Англійскій паровой фрегатъ Авенжеръ. идучи изъ Гибралтара въ Мальту (Средиземное море) по десяти узловъ, набѣжалъ въ 10 часовъ, на подводныя скалы у входа въ огромный Тунисскій заливъ. Ударъ былъ такъ жестокъ, что вся команда выскочила на верхъ. Пароходъ нагнулся и легъ на бокъ; гротъ-мачта упала

1882 г.

и, разбивъ кожуховый спасительный ботъ, перебила также много людей, которые кинулись было спускать ботъ этотъ на воду. Жестокій южный вѣтеръ ревѣлъ и волненіе перекатывалось уже черезъ весь пароходъ и споласкивало людей въ море по десяткамъ.

Между тѣмъ Лейтенантъ Рукъ, комиссаръ, штурманъ, вахтеръ и четверо матросовъ добрались какъ-то до шлюпки на бокацахъ, вошли въ нее и стали ее спускать. Въ торопяхъ отдали вовсе кормовыя тали, прежде чѣмъ носовыя были распутаны; къ счастію матросская куртка попалась въ шкифъ и лопарь кормовыхъ талей заѣлъ. Обрубили обои тали, и шлюпку тотчасъ откинуло далеко подъ вѣтеръ. Бывшіе въ ней 8 человѣкъ старались всѣми силами подойти къ пароходу, чтобы спасти еще кого-нибудь; но пробившись часа два, они увидѣли, что сила не беретъ и что ихъ все относитъ дальше. Тогда они, простившись издали съ пароходомъ своимъ, черезъ который волны ходили горой, пустились по вѣтру, къ небольшому острову миляхъ въ 15-ти.

Но черезъ часъ вѣтеръ вдругъ отъ S перешелъ къ N, и еще болѣе скрѣпчалъ; шлюпка пустилась обратно, опять по вѣтру, на материй берегъ, прошла не вдалекѣ отъ погибшаго

парохода, но ничего нельзя было видѣть, и только бурунъ страшно перевалился чрезъ него.

Всю ночь шли они подъ малымъ рейковымъ парусомъ и правили весломъ; на свѣтѣ, подошедши къ берегу, шлюпка ударилась о рифъ и ударомъ этимъ всѣхъ осмерыхъ людей выбросило за бортъ. Юнга успѣлъ опять добраться до шлюпки и, ухватившись за нее, достигъ вмѣстѣ съ нею берега: изъ остальныхъ семерыхъ спаслись только трое: Лейтенантъ Рукъ, вахтеръ и буфетчикъ—остальные четверо, забитые въ бурунахъ, погибли.

Арабы приняли спасшихся четырехъ человѣкъ ласково, и они дошли до Туниса, гдѣ нашли земляковъ; остальные 253 человѣка на пароходѣ всѣ погибли. Суда и пароходы, посланные чрезъ нѣсколько дней на мѣсто крушенія, не нашли на рифѣ никакихъ слѣдовъ фрегата: безъ сомнѣнія его снесло перемѣнившимся вѣтромъ и онъ, разбитый, тотчасъ пошелъ ко дну, такъ какъ рифъ этотъ приглубый и подъ нимъ вокругъ глубины до 50 саженъ.

«Французскій пароходъ Панама»

Пароходъ Панама вышелъ въ Январѣ 1845 года изъ Орана, на Алжирскомъ берегу Средиземнаго моря, для отвоза во Францію 850 солдатъ. Дней пять боролся онъ съ такимъ жестокимъ противнымъ вѣтромъ и волненіемъ, что почти все стоялъ на одномъ мѣстѣ. Волненіемъ сорвало гребныя суда съ бокапцевъ, гальюнъ, носовую часть борта и кожуха. Вдругъ вода стала сильно прибывать къ машинѣ и залила весь трюмъ. Надо было искать течь въ одной изъ машинныхъ трубъ; но вода поднялась уже до платъ-формы машины и притомъ нагрѣлась отъ котловъ до половины кипятка (48 градусовъ).

Помощникъ механика, Туркапъ, нырялъ четыре раза въ омутъ этотъ, отыскалъ течь въ прохладительной трубѣ и успѣлъ ее кой-какъ заткнуть. Механикъ Ара принялся задѣлывать трещину, и какъ нельзя было остановить машины, потому что ею только пароходъ кой-какъ держался противъ страшной бури, то ме-

ханикъ долженъ былъ при работѣ этой лежать въ водѣ, подъ самымъ рычагомъ или балансиромъ, который при каждомъ взмахѣ грозилъ размозжить ему голову.

Починивъ трубу, механикъ спустился въ машинную, гдѣ вода была уже такъ высока, что не позволяла ему стоять на ногахъ, и одинъ топилъ всѣ четыре печи, чтобы дать ходу. Пароходъ этимъ былъ спасенъ и дошелъ до Италіанскаго порта, а оттуда домой.

Командиръ и всѣ офицеры Панамы удостовѣряютъ, что если бы у механика и помощника его недоставало въ эту минуту отваги и умѣнья, то можетъ быть черезъ полчаса уже залило бы всю машину и самыя печи; за тѣмъ фрегатъ понесло бы по вѣтру и волненію; но при такой сильной течи, нельзя было бы даже надѣяться, что его выкинетъ на берегъ; а какъ гребныя суда уже сорвало, то всей командѣ, а съ нею и баталіону солдатъ, не было бы никакого спасенія: оставалось только итти ко дну.

Механику и помощнику его дано было въ награду по кресту.

ЗАГАДКИ.

1. Велика телега, объ одномъ колесѣ: сама не катится, а вокругъ свѣта обвозитъ.

2. Какъ повыдергали пауку ноги — сталъ паукъ, что вкопанный; какъ приставили пауку ноги — пошелъ паукъ ходить вокругъ.

3. Разъ на вѣку проѣхалъ по землѣ на саняхъ: до самой смерти ѣзжу по водѣ на колесахъ.

4. Промежъ двухъ плошекъ, промежъ трехъ сошекъ, завязло окошко: за окошкомъ валится крошка на крошку, по немножку.

5. Поставь на ноги—бѣжитъ; поставь наголову—бѣжитъ; и на-стѣну повѣсь — бѣжитъ; и пусти, бѣжитъ; и держи, бѣжитъ; а положи—лежитъ.

1. Штурвалъ. — 2. Шилль. — 3. Пароходъ. — 4 и 5. Скоянки.

БИТВА ПРИ ГОГЛАНДѢ.

Эта битва наша со Шведами замѣчательна тѣмъ, что была очень кровопролитна, что мы, будучи слабѣе, если и не разбили непріятеля, то покрайности осилили его, согнали съ мѣста сраженія, заставили бѣжать и скрыться, такъ-что Шведскій флотъ, послѣ Гогландской битвы, во все лѣто не смѣлъ болѣе показываться въ морѣ. Это было въ 1788 году.

У насъ была уже въ это время война съ Турками; Шведы думали этимъ попользоваться: одинъ непріятель съ юга, другой съ сѣвера; не въ первый и не въ послѣдній разъ суждено было Россіи раздѣлываться вдругъ на обоихъ концахъ Государства. Богъ милостивъ.

Въ Петровъ день 1788 года вышелъ манифестъ о войнѣ со Шведомъ, и въ тотъ же день Адмиралъ Грейгъ выступилъ съ флотомъ изъ Кронштата. Онъ былъ уже Турокъ въ Средиземномъ морѣ и отличился подъ Чесмой. У него было 17 линѣйныхъ кораблей, въ томъ числѣ одинъ стопушечный, Ростиславъ, 7 фрегатовъ и 9 мелкихъ судовъ; черезъ недѣлю,

6-го Іюля, онъ завидѣлъ Шведовъ у Гогланда и при тихомъ, попутномъ вѣтрѣ началъ на нихъ спускаться. У Шведовъ было 15 кораблей и 8 большихъ фрегатовъ, 4 малыхъ, и три пакетбота; не выждавъ нашего флота на выстрѣлъ, они поворотили на другой галсъ, а нашъ за ними сдѣлалъ тоже и продолжалъ спускаться, линія на линію, корабль на корабль. Въ 5 часовъ вечера передовые корабли нашего авангарда, который выдался впередъ, привели къ вѣтру и открыли бой.

Вскорѣ передовой корабль нашъ, Болеславъ, сильно избитый, поворотилъ по вѣтру, прошелъ между обѣихъ линій и примкнулъ къ аріергарду. Второй, Іоаннъ Богословъ, также избитый, самъ кинулся къ вѣтру; катеръ, посланный, чтобы забуксировать носъ корабля въ линію, былъ тотчасъ разбитъ ядрами; прочія гребныя суда были уже прежде разбиты; Іоаннъ поворотилъ противъ вѣтра, и выбылъ изъ строю. Третій, Всеславъ, оставшійся первымъ, продолжалъ драться одинъ противу троихъ, но наконецъ избитый выбуксировался изъ линіи, къ аріергарду. Адмиралъ, на Ростиславѣ, сначала дрался со Шведскимъ Адмиральскимъ кораблемъ; но какъ шедшій передъ нимъ Мстиславъ не могъ удержать своего мѣста и все болѣе оса-

живалъ, то Ростиславъ обошелъ его, продолжая пальбу, и вэшелъ въ кильватеръ Елены.

Между тѣмъ въ аріергардѣ послѣдній корабль, Дерисъ, вовсе не вступалъ въ дѣло, и потому надобно считать нашихъ только 16 кораблей, а непріятельскихъ 15 и 8 фрегатовъ. Отчего Дерисъ не поспѣлъ въ дѣлу, осталось въ потемкахъ; но Командиръ его послѣ былъ обвиненъ и разжалованъ. Второй за нимъ, Память-Евстафія, дрался два часа противъ трехъ кораблей, но избитый также вышелъ за линію. За тѣмъ три корабля во все время удержали мѣста свои. Во время боя сдѣлался штиль, такъ что суда насилу слушались руля, и потому, четвертый нашъ корабль, Владиславъ, потерпѣвшій болѣе всѣхъ прочихъ, не могъ править и сталъ валиться на непріятельскую линію; его обстрѣливали почти кругомъ, громили продольными выстрѣлами; четыре непріятельскіе корабля окружили его и часу въ десятомъ Командиръ его, Капитанъ 1 ранга Берхъ, собралъ военный совѣтъ. Оказалось, что избитый въ корпусѣ и рангоутѣ Владиславъ носится по произволу вѣтра, управлять имъ нельзя; что убитыхъ было 257 человѣкъ, но что Мичманъ Смирновъ, бывшій въ крюткамерѣ при раздачѣ картузовъ, стоялъ съ фителемъ надъ бочкою

пороха, ожидая приказанія взорваться на воздухъ. Команда, на вопросъ Капитана, отвѣчала: «На все готовы, отецъ нашъ, что хочешь, то и дѣлай!» Командиръ, не видя возможности болѣе драться и, пожалѣвъ людей, спустилъ флагъ.

Прочіе корабли, всего счетомъ десять, дрались до темной ночи отчаянно и безъ оглядки, кому съ кѣмъ приходилось, то съ однимъ, то съ двумя и тремя непріятельскими кораблями. Къ семи часамъ передовые и средніе корабли непріятельскіе стали было спускаться, а наши за ними, но вскорѣ опять привели и продолжали бой; въ девятомъ, весь Шведскій флотъ сталъ спускаться, но преслѣдуемый нашимъ, опять привелъ къ вѣтру, что сдѣлали и наши корабли, и сраженіе продолжалось почти одиночное, потому что обѣ линіи вовсе разстроились. Нашъ Адмиралъ сошелся съ Шведскимъ Вице-Адмираломъ, Графомъ Вахмейстеромъ, командовавшимъ авангардіею; онъ наконецъ спустилъ флагъ и былъ взятъ Ростиславомъ. Въ десятомъ часу, вслѣдъ за сдачей Владислава, весь флотъ непріятельскій спустился и пошелъ на-побѣгъ; ночь наступила и Адмиралъ нашъ велѣлъ гончить погоню.

Со Шведскимъ Вице-Адмираломъ взятъ былъ 66 пушечный корабль *Принцъ Густавъ*, на

которомъ оказалось убитыхъ и раненыхъ до 306. Только черезъ часъ нашъ Адмиралъ узналъ о плѣненіи нашего Владислава, хотѣлъ гнаться за непріятелемъ, но за темнотою не могъ собрать далеко разбросанныхъ врозпь кораблей своихъ; онъ даже посылалъ съ приказаніемъ этимъ шлюпку на ближайшіе корабли, но они были слишкомъ разбиты, а аріергардъ нашъ, менѣе пострадавшій, далеко отсталъ. Шведы ушли въ неприступный Свеаборгъ, который тогда былъ у нихъ въ рукахъ, заперлись тамъ и не выказывали носу во все лѣто, хотя наши корабли ихъ стерегли; только 9-го Ноября, когда наши ушли на зимовку, Шведскій флотъ вышелъ и отправился въ Карлскрону.

У насъ изъ числа 11,738 человѣкъ, на всѣхъ 17-ти корабляхъ, было до 400 убитыхъ, и раненныхъ съ 700. Адмиралъ Грейгъ доносилъ Государынѣ Екатеринѣ II, что никогда еще не видѣлъ такого жаркаго и такого съ обѣихъ сторонъ упорнаго сраженія. Хоть рыло въ крови, да каша взяла!

СПАСЕНІЕ УТОНАЮЩАГО.

Кто не знаетъ, какъ трудно вытащить утопающаго изъ воды; какъ опасно броситься за нимъ, особенно если это не ребенокъ, а человѣкъ сильный, здоровый и еще въ полной памяти? Утопленникъ и за соломенку хватается; онъ не разсуждаетъ, что и другаго и самого себя погубитъ; онъ обхватываетъ товарища руками, душитъ его, лѣзетъ на него, поймавъ за шею, или обнявъ поперегъ тѣла, прижимаетъ ему руки, и оба идутъ ко дну. Я видѣлъ, какъ десятилѣтняя дѣвчонка, утопая, обвилась руками и ногами за матроса, который бросился за нею, и черезъ часъ вытащили обоихъ неводомъ: такъ вмѣстѣ и окоченѣли.

Одинъ Англичанинъ, мастерской пловецъ, проходилъ по набережной, гдѣ вдругъ народъ засуетился и поднялъ крикъ: тонетъ, потонулъ! Французскій матросъ, не умѣвшій плавать, оборвался съ крутаго берега и его теченіемъ тотчасъ отнесло на глубину, гдѣ онъ, барахтаясь, уже разъ другой окунулся и опять показался на водѣ. Англичанинъ бросился за нимъ, ныр-

нулъ, но тотъ обхватилъ его поперегъ тѣла, оплелся около него и потащилъ ко дну. Захлебываясь, Англичанинъ въ безпамятствѣ вынырнулъ вмѣстѣ съ утопленникомъ; къ счастію въ это время подоспѣла лодка и выхватила ихъ обоихъ. Англичанина привели въ чувство, онъ ожилъ, а Француз уже задохся и болѣе не оживалъ.

Случаї этотъ заставилъ призадуматься нашего Англичанина. Зная себя какъ перваго пловца, который самъ по себѣ ни боялся ни дальности, ни глубины, ни волненія и теченія, — онъ однакоже увидѣлъ, что не смотря на это утопающаго спасти не можетъ, а что того и гляди и самъ съ нимъ утонетъ. Онъ сталъ придумывать, какъ бы устроить дѣло это и наїти средство, чтобы спасти человѣка изъ воды, если придется, и не дать себя ему въ обиду. Человѣкъ-де тонетъ, какъ же крещеному не подскочить, не помочь? — А какъ же и помочь ему, коли тотъ съ дуру вѣшается на шею и топитъ!

Въ это время Англичанинъ разъ купался съ товарищами на взморьѣ супротивъ какоїй-то пещеры, надъ которою нависла скала и куда заливалось море. Они вздумали осмотрѣть пещеру, въ которую можно было попасть только

1882 г.

нырком, и двое, нырнувъ, пустились туда. Ловецъ нашъ, вынырнувъ, вдругъ увидѣлъ въ свѣтлой водѣ струю крови и вслѣдъ за тѣмъ товарищъ его также вынурнулъ, но весь въ крови, съ разбитою головою: онъ подъ водой наткнулся головою на острый камень и былъ почти безъ памяти. На этотъ разъ Англичанинъ, схвативъ товарища, легко и безъ большихъ хлопотъ вытащилъ его на берегъ, гдѣ его привели въ чувство,

Эти два случая наставили нашего Англичанина на умъ. Живаго и здороваго человѣка не вытащишь изъ воды — утопитъ; а коли утопающій, захлебываясь, обезпамятѣетъ, то его можно ворочать какъ колоду и вытащить за собою на берегъ легко. Стало быть, надо утопающаго сперва ошеломить, отбить у него память, а потомъ тащить къ берегу. Въ первый разъ, когда случится мнѣ попасть на утопающаго, подумалъ Англичанинъ, то я такъ и сдѣлаю.

Черезъ нѣсколько времени ему случилось поѣхать съ товарищемъ на небольшой лодкѣ, самъ другъ на охоту. Товарищъ привсталъ въ то самое время какъ набѣжалъ шквалъ, перевѣсился и упалъ въ воду. Онъ не умѣлъ плавать и сталъ тонуть. Англичанинъ выкинулъ кошку, самъ кинулся въ воду, схватилъ утопав-

шаго за грудь и, вытянувъ руку, всею силою старался держать его подальше отъ себя; но тотъ, одурѣвъ отъ страха, началъ биться и рваться, хватая спасителя своего за горло. Тогда этотъ, держа его одною рукой, хватилъ другою изо всей силы по лбу, а какъ этого оказалось мало, то и въ другой разъ; тогда утопающій угомонился, ошалѣвъ присмирѣлъ, и Англичанинъ его преспокойно вытащилъ на берегъ, гдѣ онъ вскорѣ очнулся.

За тѣмъ, Англичанинъ даетъ по опыту всякому совѣтъ: подплывъ къ утопающему, перелобанить его напередъ кулакомъ, но не по темени и не по виску, а прямо по лбу, а безъ этого за спасеніе утопающаго браться не совѣтуетъ.

конвойный.

Нашъ матросъ не рѣдко служитъ за солдата и долженъ знать объ службы—да пожалуй еще и третью: у пушекъ. Какому матросу не случалось быть конвойнымъ, при арестантѣ, и провожать его съ большою опаской и осторожностію? Иному арестанту терять нечего,

ужъ онъ себѣ добра не чаетъ—а коли Бога забудетъ, такъ не побережетъ и конвойнаго.

Давненько ужъ этому, никакъ въ Севастополѣ, арестанты посланы были въ работу на каменную ломку. Двое отдѣлены были не много въ сторону, при одномъ конвойномъ. Въ полдень, когда данъ былъ роздыхъ, они разжалобили его и упросили позволить имъ дойти близехонько до рощицы и набрать ягодъ кизилю. Матросъ далъ маху и согласился. Пошли, а онъ за ними; ружья у конвойныхъ были заряжены. Скрывшись отъ прочихъ въ рощѣ, арестанты оба вдругъ кинулись на конвойнаго и отняли у него ружье; затѣмъ одинъ хотѣлъ убить его, а другой уговаривалъ товарища, чтобы не брать лишняго грѣха на душу, а связать и оставить тутъ. Слушая ихъ, матросъ нашъ сказалъ: За что же вы убьете меня? Богу отвѣтъ дадите; а и начто покинете меня связаннаго? Я теперь пропалъ; меня загоняютъ сквозь строй; мнѣ дѣваться не куда; возмите меня съ собой, и я уйду съ вами.

Подумалъ, они согласились. Шли лѣсами и горами день, шли другой. Одинъ арестантъ кой-какъ отбилъ кандалы, на ушибъ при этомъ ногу; другой болѣе сутокъ шелъ въ кандалахъ и сильно натеръ ноги. Выбившись изъ силъ,

они всю лишнюю одежду свою взвалили на здороваго матроса, да наконецъ и ружье отдали нести ему же, полагая, что бѣжавъ за-одно съ ними, онъ теперь по неволѣ останется имъ вѣренъ.

Взявъ въ руки ружье свое, нашъ матросъ обрадовался ему какъ кладу. Онъ поотсталъ маленько лѣсомъ, осмотрѣвъ на ходу осторожно замокъ и порохъ на полкѣ а потомъ, нагнавъ преступниковъ, одного положилъ на мѣстѣ, а другаго рашилъ. Перекрестившись, конвойный нашъ воротился въ городъ, явился къ начальству и разсказалъ дѣло. Послали на мѣсто, забрали убитаго и раненаго; судили конвойнаго, и хотя обвинили въ первой оплошности, но оправдали и простили за то, что послѣ хорошо поправился.

ДВА КОРАБЛЯ ВО ЛЬДАХЪ.

Два Англійскія военныя судна Эребусъ и Терроръ въ 1842 году ходили вмѣстѣ за открытіями къ южному полюсу. Сѣверный полюсъ, гдѣ вѣчные льды и морозы, за нашимъ Ледовитымъ моремъ, еще на сѣверъ отъ Сибири;

а южный, гдѣ такіежъ морозы и такіежъ вѣчные льды, насупротивъ сѣвернаго: какъ бы яблоко проткнуть насквозь, отъ цвѣтка до стебелька, то по одну сторону будетъ сѣверный полюсъ, напримѣръ у стебля, а по другую, у цвѣта, южный.

Итакъ плавали они однажды, въ Мартѣ, при самомъ свѣжемъ нордвестѣ; густой туманъ сталъ прочищаться и показались тутъ и тамъ льдинки; къ ночи вѣтеръ сталъ еще крѣпчать и повалилъ густой снѣгъ. Убавили парусовъ, опасаясь всего болѣе ледяныхъ плавучихъ горъ, которыхъ не видно было за вьюгой; а плавучія льдинки показывали, что горы эти не за горами. Взяли всѣ рифы на Эребусѣ и стали готовиться къ повороту, чтобы лечь на другой галсъ, какъ ледяная скала, которой не видно было ни конца, ни начала, показалась передъ носомъ. Эребусъ тотчасъ привелъ на лѣвый галсъ, надѣясь пройти на вѣтрѣ у скалы—но въ ту же минуту увидѣлъ товарища своего, Террора, который спускался подъ марселями и фокомъ прямо на Эребусъ.

За темнотою и мятелью Терроръ набѣжалъ уже такъ близко, что нельзя было успѣть ему привести, а по тѣснотѣ также нельзя было пройти между ледяной скалой и Эребусомъ. Этотъ

въ минуту положилъ всѣ паруса на стеньгу, но суда столкнулись такъ, что ни одинъ человѣкъ не устоялъ на ногахъ. На Эребусѣ переломился бушпритъ, слетѣла форъ-стеньга, и еще нѣкоторыя части рангоута; оба судна сцѣпились, спутались такелажемъ и рангоутомъ, бились другъ о друга, среди тьмы и мятели, подъ ледяной сплошной скалой, куда несло ихъ вмѣстѣ при жестокомъ вѣтрѣ и волненіи. То подымался на волну Терроръ, такъ что обнажалась вся подводная часть его, до самаго киля—то онъ падалъ въ раздолъ между двухъ огромныхъ валовъ, и Эребусъ въ это время, со скрыпомъ, трескомъ и ломкой, подымался на хребетъ валовъ. Шлюпки и ростры трещали и ломались; вѣтеръ вылъ, а подъ бокомъ прибой къ ледяной скалѣ!

Но послушная и безстрашная команда на обоихъ судахъ, въ мигъ обрубила и распутала снасти и суда разошлись, прежде чѣмъ ихъ привалило ко льду. Терроръ, на которомъ было меньше ломки, обогнулъ скалу и за нею скрылся. Эребусъ бился еще; онъ весь до того заваленъ былъ обломками, что нельзя было поставить парусовъ, взять передній ходъ и поворотить чрезъ фордевиндъ—а между тѣмъ находился такъ близко къ скалѣ, что къ нему до-

летали брызги разбивавшихся объ нее волнъ. Оставалось одно: взять задній ходъ и пятиться кормою до выхода на просторъ. Это, конечно, при штормѣ, было очень опасно—да другаго спасенія не было. При жестокой, порывистой качкѣ, реи бились о ледяную стѣну, такъ что мачты трещали; но матросы, незная страху, отдали гротъ, среди рева бури, треска рангоута и гула волненія и прибоя; обрасопили грота-реи, посадили галсъ и положили гротъ на мачту: зарываясь кормой, судно взяло однакоже ходъ; волненіемъ сорвало шлюпку съ ростръ, поки реевъ трещали и чертили по ледяной отвѣсной стѣнѣ—но судно вышло къ проходу, къ поперечному проливу между сплошными ледяными горами, благополучно спустилось въ узкій проливъ и тамъ, подъ защитой скалъ этихъ, начало исправляться. Терроръ, который между тѣмъ обогнулъ гору, спросилъ пушкой вѣстей. Эребусъ отвѣчалъ: живъ! Къ свѣту исправился онъ на столько, что могъ опять свободно управлять парусами, и вышелъ изъ ледянаго пролива.

Но на разсвѣтѣ увидѣли еще вотъ что: сплошная цѣпь ледяныхъ горъ, оставшаяся на вѣтрѣ, тянулась въ обѣ стороны отъ прохода, въ который попали суда, безъ конца; если бы

суда не столкнулись у прохода этого и не прошли оба въ него на волю, а если бы вмѣсто того продолжали итти далѣе вдоль стѣны, то можетъ быть и не нашли бы никакого выхода оттуда и были бы вовсе затерты льдами.

Одна бѣда выручила отъ другой: а коли двѣ бѣды на носу, такъ смѣло хватайся за меньшую.

КОСА НА КАМЕНЬ.

На восточномъ берегу Чернаго моря теперь у насъ много укрѣпленій, а лѣтъ 30 тому было только одно: Сухумъ-Кале. Отрядецъ нашъ, изъ матросовъ, возвращался изъ лѣса, отъ рубки дровъ; а и дрова рубили тогда не иначе; какъ подъ сильнымъ конвоемъ. Невдалекѣ отъ Сухума команда перешла въ бродъ рѣчку, между тѣмъ какъ одинъ матросъ отсталъ. Отрядъ прошелъ немного впередъ, а отсталый присѣлъ и сталъ разуваться, чтобы пройти рѣчку. Въ эту минуту вдругъ, откол̀ѣ не взялся, ровно съ лука спрянулъ, выскочилъ изъ за-кустовъ Абазинецъ, наскочилъ на него съ тылу, уцѣпился ястребомъ руками за суму, уперся ногами въ спину и сталъ, что есть силы, перекручивать

перевязь, чтобы оторвать суму, да унести патроны. Порохъ Абазинцу дороже денегъ. Матросикъ нашъ, опамятовавшись отъ перваго страху, потянулся къ ружью, которое лежало подлѣ; Абазинецъ, смѣтивъ въ чемъ дѣло, сталъ упираться ногами и оттаскивать его въ сторону: такъ они барахтались нѣсколько времени, наконецъ матросъ дотянулся до ружья своего и въ одинъ мигъ просунулъ дуло себѣ подъ мышку, уперъ его прямо въ грудь смѣлаго налета и спустилъ курокъ. Вскочивъ на ноги, матросъ оглянулся—Абазинецъ убитъ на повалъ; перекрестившись, матросъ бросился въ рѣчку и пустился бѣгомъ въ погоню за своими, которыхъ вскорѣ благополучно догналъ.

ВОЛЬНЫЙ МОРЯНЪ ГЕРАСИМОВЪ.

Мѣщанинъ Матвѣй Герасимовъ ходилъ на вольныхъ судахъ по Бѣлому морю и перевозилъ хлѣбъ и другой купеческій товаръ. Бывали у него когда-то и свои суда, но сокрушались одно за другимъ; бѣда ровно по пятамъ за нимъ ходила. Обѣдивѣвъ, онъ пошелъ въ шкипера на чужія суда. Въ 1810 году, когда у насъ былъ раз-

рывъ съ Англіей, онъ отправился изъ Архангельска въ Норвегію—а что случилось съ нимъ на пути, о томъ самъ онъ расказываетъ такъ:

Въ Іюлѣ вышелъ я изъ Архангельска, на купецкомъ суднѣ Поповыхъ, по имени Евпл-второй, и пустился съ грузомъ ржи въ Норвегію. На Евплѣ, кромѣ меня, былъ штурманъ, изъ отставныхъ флотскихъ, да 8 Русскихъ же вольныхъ матросовъ.

Не доходя до мыса Нордъ-Капа, увидѣли мы 19-го Августа военный фрегатъ, который подошелъ, легъ въ дрейфъ и спустилъ шлюпку; она подошла къ Евплу и офицеръ кричалъ что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ; я легъ въ дрейфъ, и офицеръ съ пятью матросами взошли ко мнѣ на судно; это были Англичане. Они безъ околичностей стали къ рулю и парусамъ и взяли корабль нашъ въ свое управленіе. Англійскіе матросы обыскали насъ и отняли у меня деньги. Противиться имъ мы, какъ безоружные, не могли, да и фрегатъ Англійскій лежалъ рядомъ съ нами въ дрейфѣ, а за нимъ показался еще фрегатъ.

Меня взяли на шлюпку и представили, съ бумагами, какія при мнѣ были, на фрегатъ; но объясниться не могли мы и тамъ—ни они не знали по Русски, ни я по Англійски.

Вечеромъ меня опять отвезли на мое судно; тамъ засталъ я изъ своихъ только штурмана, боцмана, одного матроса и юнгу; прочіе шесть увезены были Англичанами. За то они на Евплѣ оставили, изъ своихъ, офицера и семь матросовъ, да съ моего судна взятъ былъ на фрегатъ бакштовъ.

До 23-го Августа тащили насъ такимъ порядкомъ, а между тѣмъ фрегатъ скрылся. Наше судно пораздергало качкой и въ немъ оказалось до четырехъ футовъ воды. Вѣтеръ былъ очень свѣжій; мы крѣпко осаживали собою Англійскій фрегатъ и по.ому рѣшился онъ бросить бакштовъ и приказать своему офицеру, Лейтенанту Корбету, итти съ Евпломъ въ Англію самому, для чего прибавили намъ еще двоихъ изъ лучшихъ матросовъ моихъ.

Такимъ образомъ плыли мы, подъ управленіемъ Англичанъ, еще четверы сутки. Тяжело стало у меня на-сердцѣ, что идемъ мы въ плѣнъ и что пропадетъ и корабль хозяйскій и товаръ. Подумавъ, я положился на помощь Божію и сталъ уговаривать товарищей своихъ, всего пятерыхъ, избавиться отъ плѣну, толкуя имъ, что сдѣлать это, коли Богъ попуститъ, можно; матросы согласились, но штурманъ опасался неудачи и никакъ не соглашался. Я уговорилъ

товарищей сдѣлать дѣло безъ него, оставивъ также и юнгу нашего, который былъ боленъ.

30-го Августа въ 5 часовъ утра, когда офицеръ и шесть Англійскихъ матросовъ всѣ спали въ каютѣ, а одинъ только стоялъ на часахъ, мы подошли тихонько къ каютѣ, заперли ее, заколотили запоромъ, а сами, кинувшись на оплошнаго часоваго, столкнули его за бортъ.

Сдѣлавъ это, мы спустились при попутномъ вѣтрѣ къ Норвежскимъ берегамъ. Мы остались, для управленія рулемъ и парусами, всего самъ-пятъ. Англичане, проснувшись, начали всѣми силами ломиться изъ каюты, мы стращали ихъ крикомъ и показывали, въ угрозу, оружіе; ухо-дившись и отощавъ, они стали просить воды и пищи, которую мы имъ и подавали съ осторожностію. Долго они, какъ видится, все еще надѣялись выломиться изъ-подъ запоровъ и одолѣть насъ силой, и даже нашедши въ каютѣ старое долото, сняли его съ черена и какъ-то ухитрились изъ трубки его выстрѣлить. Мы на это стали грозить имъ ихними же ружьями, которыя они по неосторожности оставили при своемъ часовомъ, на верху. Наконецъ мы выморили ихъ голодомъ и жаждой и они покорились. Тогда мы дѣлали мѣну: за бутылку воды, они передавали намъ по двѣ и по три бу-

тылки вина и рому, который остался въ низу и былъ заколоченъ вмѣстѣ съ плѣнниками.

Въ такой нуждѣ и тревогѣ, а отчасти и въ страхѣ, чтобы семеро плѣнниковъ нашихъ не вырвались, тогда какъ у насъ почти ничего не было для защиты, да и на штурмана и юнгу не было надежды въ помощи—въ такой тревогѣ достигли мы наконецъ Датскихъ береговъ, пришедши къ приморскому городку Вардгузу. Я съѣхалъ на берегъ, явился къ Коменданту и разсказалъ дѣло наше; здѣсь я таки могъ объясниться, потому что въ походахъ своихъ по Мурманскому берегу наметался въ Норвежскомъ языкѣ, а онъ Датскому близокъ.

Комендантъ прислалъ со мною на судно унтера и десятокъ солдатъ; при нихъ я отперъ дверь каютную. Вышелъ напередъ офицеръ и отдалъ мнѣ шпагу свою, кортикъ и кинжалъ, а также Англійскій флагъ, взятый имъ съ собою, для подъема, въ случаѣ нужды, на нашемъ суднѣ. Затѣмъ вышли по одиначкѣ и матросы, и всѣхъ ихъ Датская военная команда приняла и увезла въ городъ. Комендантъ выдалъ мнѣ свидѣтельство въ полученіи отъ меня плѣнниковъ; а я, простоявъ за противными вѣтрами еще дня четыре, снялся съ якоря и благополучно пришелъ въ Колу.

Это показаніе, подписанное также боцманомъ Иваномъ Васильевымъ и матросами: Петромъ Петуновымъ, Ѳедоромъ Пахомовымъ и Михайломъ Сусловымъ, подалъ Герасимовъ Кольскому городничему, представивъ свидѣтельство объ отдачѣ семи плѣнниковъ своихъ, и просилъ позволенія выгрузить рожь, которая отъ большой воды въ трюмѣ подмокла.

Государь пожаловалъ мѣщанину Герасимову солдатскій Георгіевскій крестъ, за смѣлость, рѣшимость и храбрость его. Флагъ и шпага Англійскаго офицера, отобранные въ началѣ у Герасимова, были ему опять выданы начальствомъ, для храненія на память этого подвига у себя и у потомковъ своихъ; кортикъ же хранится и теперь въ артиллерійскомъ арсеналѣ Архангельскаго Порта.

КОНВОЙНАЯ КОМАНДА.

На Черномъ морѣ, супротивъ Очакова, есть островъ Ада, который укрѣпляли батареями и въ работѣ этой были Кинбурнскіе крѣпостные арестанты. Ихъ отвезли на островъ на баркасѣ. Пришло время отдыха: день жаркій, кои-

войные утомились и, расчитывая на то, что арестантамъ съ острова бѣжать некуда, крѣпко оплошали. Арестанты, сговорившись, вдругъ кинулись на баркасъ, столкнувъ съ него двухъ или трехъ сонныхъ гребцовъ, ухватили весла и отвалили, прежде чѣмъ конвойные успѣли сбѣжаться.

Кромѣ баркаса этого не было вблизи гребнаго судна; бѣдные матросы съ крикомъ бѣжали по берегу, провожая бѣглецовъ, какъ насѣдка, высидѣвшая утятъ: утята въ воду, а она караулъ кричать; метались туда, сюда— вдругъ одинъ наткнулся на душегубку, на небольшую долбушку, котороя съ трудомъ могла поднять двухъ человѣкъ. Не долго думавъ, махнулъ онъ унтеру, да захвативъ по лишнему ружью, оба кинулись въ лодченку и пустились въ погоню.

Баркасъ на ходу конечно былъ по тяжелѣ этого корытца и его скоро нагнали; на счастье погода была тиха. Одинъ правилъ и гребъ, другой, окликавъ бѣглецовъ, чтобъ гребли назадъ, за ружье, да пустилъ пулю по головамъ; да за другое ружье, да опять таки по головамъ. Арестанты видятъ, что дѣло плохо, закричали въ голосъ: топи ихъ, держи прямо на нихъ! Такъ подъ нашими конвойными душегубка увер-

тлива, а веселье отъ рукъ не отбивается; увертываясь да увиваясь около баркаса, они знай заряжаютъ да попаливаютъ, чуть не въ припоръ, безъ промаха.

Арестанты видятъ, что некуда дѣваться, взмолились о пощадѣ. Двое конвойныхъ заставили ихъ грести назадъ, къ острову, а сами строго провожали ихъ, зарядивъ напередъ ружья.

Такимъ образомъ они всѣхъ арестантовъ своихъ благополучно поставили на мѣсто; правда, половину только живыхъ, а на половину перебитыхъ; но за это ихъ не обвинилъ ни кто; они вѣрно и славно исполнили долгъ свой и присягу.

Находчивость и расторопность двухъ человѣкъ спасла отъ большой бѣды и отвѣта цѣлую команду. Честь имъ и хвала.

ЧЕРКЕССКІЙ ПЛѢННИКЪ.

На Абазинскомъ берегу Чернаго моря, на рѣчкѣ Гостогаѣ, стоялъ отрядъ нашъ, и при бивачномъ огнѣ сидѣли офицеры съ однимъ изъ заложниковъ, съ горскимъ князькомъ Убыхомъ. Въ бесѣдѣ сказалъ онъ: я вамъ раскажу быль

про Русскаго матроса, Ивана, которая стоитъ того, чтобъ вы ее послушали.

Кажется въ 1832 году, — мнѣ было тогда лѣтъ 14, — въ Январѣ, поджидали мы молодецкую (то есть воровскую) Турецкую *кочерму* изъ Трапезонта. Кочерма это небольшое парусное суденышко, на которомъ подвозили намъ, когда удастся уйти отъ васъ, порохъ, оружіе, одежду; оно же привозитъ намъ расплату старыхъ долговъ и вѣсти отъ братьевъ — мусульманъ.

Мы сидѣли на взморьѣ, зная урочный день, ждали — нѣтъ ни паруса и только свинки рѣзво играютъ вдоль береговъ, къ непогодѣ. Съ полудня вѣтеръ разыгрался такъ, что у насъ стало сердце щемить за бѣдныхъ земляковъ, которыхъ чаяли въ морѣ. Къ вечеру мы вдругъ увидѣли по окраинѣ моря парусъ; всѣ съ крикомъ вскочили съ мѣстъ; судно быстро бѣжало прямо на-берегъ, но рыскало въ ту и другую сторону; вскорѣ мы, не вѣря своему счастію, узнали въ немъ Русскій транспортъ, который, разбитый и обломанный, мчался по вѣтру и волнамъ на берегъ. Его тутъ же выкинуло на косу и стало окачивать волной.

На добычу! закричали наши, и бросились въ камыши, къ лодкамъ. Отецъ мой швырнулъ ме-

ня за-воротъ на лодку, сказавъ: Вотъ тебѣ, первоученка, промыселъ; иди да учись!

Самъ онъ сѣлъ на кормовое весло. Нѣсколько другихъ лодокъ, съ вооруженнымъ народомъ, спущены были за нами.

Зная, что имъ не ожидать пощады, Русскіе встрѣтили насъ залпомъ; но мудрено погибающему бороться еще съ непріятелемъ! Лодки наши, пуская градъ пуль, облѣпили судно, джигиты бросились въ шашки и въ мигъ перерѣзали всѣхъ, кто не сдался, а нѣсколькихъ захватили живьемъ. Отецъ мой, не поспѣвъ по дряхлости за молодцами на судно, увидалъ вдругъ матроса въ водѣ, вплоть у нашей лодки. Отецъ мой обрадовался поживѣ этой и подалъ ему весло; матросъ ловко выхватилъ его изъ рукъ и, взмахнувъ имъ, ударилъ старика такъ сильно въ голову, что тотъ свалился съ ногъ. Но матросу некуда было дѣваться; онъ долго бился на мѣстѣ, покуда отецъ мой не вытащилъ плѣнника, почти безъ памяти, въ лодку.

Всю ночь лодки наши занимались свозомъ на берегъ съ судна пороха, желѣза, мѣдныхъ вещей, харчей — всего, что можно было добыть. Со свѣтомъ пришелъ пароходъ, на помощь судну; забравъ, что успѣли свезти, въ томъ числѣ и плѣнника своего, мы ушли съ берега въ горы.

Этого плѣнника, по обычаю, мы назвали Иваномъ. Сперва, какъ у насъ всегда водится, житье ему было тяжкое и держали его строго; много было ему обидъ и побоевъ, особенно отъ старухъ нашихъ; помаленьку мы привыкли къ нему, а онъ къ намъ; за безотвѣтное терпѣніе его, за то, что былъ работящій и смирный человѣкъ, отецъ сталъ держать его лучше и даже полюбилъ, хоть и не совсѣмъ вѣрилъ ему, пальца въ ротъ не клалъ.

Черезъ нѣсколько времени отецъ мой самъ пустился вмѣстѣ со старымъ Трапезонтскимъ плавателемъ въ торговлю съ Турками; повезъ туда отъ насъ дѣвокъ, которыхъ Турки покупаютъ себѣ въ жены, на товаръ и на деньги.

Обласкавъ Ивана, отецъ мой поставилъ его кормчимъ на свою кочерму, вѣря умѣнью его править въ морѣ; сходили они туда благополучно и уже летѣли подъ парусомъ и при попутномъ вѣтрѣ домой. Зыбь ходила горами. Я былъ съ ними; помню, что насъ сильно бросало и качало. Иванъ стоялъ на рулѣ и напѣвалъ свои пѣсни; мы дремали; долго смотрѣлъ онъ все въ одно мѣсто и сказалъ: судно идетъ.

Отецъ мой вскочилъ; слово это испугало его; всѣ засуетились. Какое судно? Не Русское ли? Насъ всего на кочермѣ было семь человѣкъ,

одно ядро могло затопить всѣхъ. Кажется, сказалъ отецъ, глядя тревожно то на судно, то на Ивана—кажется насъ увидѣли—какъ будто на насъ держатъ!—Ты спалъ, отвѣчалъ Иванъ спокойно, такъ и проспалъ; съ полчаса уже какъ оно идетъ за нами въ погоню. Чтожъ, спросилъ отецъ, неужто намъ плохо—неужто оно догонитъ насъ?—Догонитъ, отвѣчалъ Иванъ не смущаясь.

А во сколько времени добѣжимъ до своей бухты?

Въ полчаса чай добѣжать можно; близко.

А судно, Иванъ, оно во сколько времени насъ догонитъ?

Скоро, сказалъ Иванъ, не глядя на него.

Что скоро? А какъ скоро? во сколько времени?

Да прежде получаса догонитъ.

Лжешь, собака!

А можѣтъ-статься я и солгалъ, потому что оно въ четверть часа на насъ насядетъ.

Старикъ вскочилъ съ мѣста и люто ухватился за весло; всѣ мы сдѣлали тоже и принялись грести во все плечо. Но судно все подходило ближе: мы ясно распознавали пушки и столпившихся на носу людей. Иванъ, поглядѣвъ хорошенько, сказалъ: Хозяинъ, а узналъ ли ты

судно это? Всѣ мы стали осматриваться и узнали, что это былъ тотъ же самый транспортъ, который мы разграбили, вырѣзавъ команду, и съ котораго былъ нашъ Иванъ. Иванъ, закричалъ отецъ мой, бросивъ весло и уставивъ дуло винтовки своей на грудь плѣнника,—если ты хоть на-волосъ чѣмъ сфальшишь, если только чуть что замѣчу—убью на-повалъ, и выкину какъ пса!

Пожалуй убей, отвѣчалъ тотъ. Не находка мнѣ житье у васъ; да чѣмъ и какъ я тебя укрою отъ Русской картечи? Вотъ она чай скоро брызнетъ. Становись самъ на руль, а мнѣ дай весло—да и дѣлай что знаешь.

Держи прямо на отмели! закричалъ отецъ; ты знаешь выходы между каменьевъ; держи туда?

Держу, сказалъ Иванъ, круто спускаясь по вѣтру, на бурунъ; но картечь и туда достанетъ.

Вслѣдъ затѣмъ дымъ всклубился подъ носомъ судна и ядро, прошипѣвъ надъ нами, упало не далеко впереди,—и пошло прыжками бороздить море. Мы гребли во всѣ лопатки, а съ транспорта скинули уже гребныя суда въ погоню. Онѣ вскорѣ стали нагонять насъ и обсыпали картечью; но разгульная зыбь мѣшала

вѣрному прицѣлу. Мы думали, что уже вовсе ушли; мы ужъ приставали къ берегу, какъ продольный по насъ выстрѣлъ вышибъ руль и убилъ наповалъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ старшаго брата моего, Неифтали. Отецъ моіі взревѣлъ, такъ сердце въ немъ закипѣло отъ жалости и злобы, и поклялся отмстить за смерть любимаго сына.

Земляки наши, выбѣжавшіе берегомъ навстрѣчу, кинулись въ бурунъ, подхватили и вытащили на себѣ кочерму. Транспортъ, пославъ нѣсколько ядеръ за нами, отозвалъ шлюпки свои, и вошедши въ бухту ближайшаго Русскаго укрѣпленія, сталъ тамъ на якорь.

Въ полночь отецъ меня разбудилъ. Вставай, смерть брата твоего проситъ Русской крови. Кровь за кровь, сказалъ пророкъ нашъ, благословенныя памяти. Я старъ, руки мои дрожатъ—но на это меня станетъ; я все придумалъ и уладилъ. Идемъ.

Мы вынесли на берегъ огромный ящикъ съ порохомъ, на которомъ придѣлашъ былъ фонарь. Лодка была готова, въ неіі четыре горца и нашъ Иванъ. Поставивъ въ нее ящикъ, мы подняли паруса. Ночь была очень темна и мы вскорѣ подошли довольно близко къ Русскому транспорту, съ-навѣтру.

Иванъ, сказалъ отецъ мой, братья твои отняли у меня сына—отняли полвѣка и полсчастья. Я бы могъ зарѣзать за это тебя, но я лучше придумалъ; ты, самъ же ты отмстишь имъ за моего сына. Знаешь ли что я придумалъ?

Нѣтъ не знаю, сказалъ Иванъ спокойно.

Гляди, сказалъ старикъ шопотомъ, въ этомъ ящикѣ четырнадцать пудовъ пороху—вашего Русскаго пороху, съ этогожъ судна; на немъ фонарь, въ фонарѣ фитиль, который проходитъ насквозь. Ночь темна и непогодлива; мы еще немного подойдемъ въ судну, и я тебя заставлю зажечь фитиль этотъ и пустить ящикъ по водѣ; его тотчасъ прибьетъ къ судну. Готовься!

Всѣ мы зазѣвались при этой бесѣдѣ, какъ вдругъ свѣжій ударъ вѣтра сильно накренилъ лодку; въ тревогу эту нашъ Иванъ кинулся, какъ будто къ парусамъ, и никто не успѣлъ оглянуться въ потьмахъ, какъ топоръ глухо застучалъ въ рукахъ его и онъ только закричалъ:

Да здравствуютъ мои отцы командиры и братья мои!

Въ одинъ мигъ всадили въ него четыре кинжала—но уже было поздно; лодка была прорублена, вся наполнилась водоіі и тонула. На

крикъ этотъ подоспѣла шлюпка отъ транспорта и спасла меня одного; отецъ же мой и четыре товарища его потонули молча: ихъ голосу никто не слыхалъ.....

Офицеры стали спрашивать князька Убыха, какъ называли транспортъ этотъ, какъ звали Ивана?—Но онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Помню только, что на плечахъ у Ивана, сказалъ онъ, т. е. на погонахъ, была ваша Русская тамга, вотъ такая: и вычертилъ кинжаломъ 35.

ПЕРВЫЙ САЛЮТЪ.

Въ 1716 году Царь Петръ Великій, создатель флота нашего, прибылъ въ Копенгагенъ съ молодымъ флотомъ своимъ изъ 16 кораблей, 5 фрегатовъ и 45-ти галеръ. Для начала, сила изрядная! Въ это время находились тамъ, кромѣ эскадры Датской, также Англійская и Голландская, которыя пришли вразумить Шведскаго Короля Карла XII, разбитаго уже окончательно Русскими и на сухомъ пути и на-морѣ.

Требуя отъ всѣхъ народовъ помощи противу Петра I и не получая ея ни отъ кого, онъ до того озлобился, что сталъ брать съ моря безъ разбора торговыя суда всѣхъ народовъ. Это въ сторону—а дѣло въ томъ, что въ это время флотъ нашъ впервые былъ встрѣченъ салютомъ съ эскадръ трехъ Державъ, а въ томъ числѣ, въ первый разъ, и *Англійской*. Царь до того былъ радостенъ и доволенъ, что сказалъ: «Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ дожить до морскаго салюта отъ учителей моихъ, Голландцевъ и Англичанъ, и что не стыдно мнѣ имъ отвѣтить!»

Но этого мало; Петру Великому предстояла еще почесть небывалая: соединенныя эскадры положили вывести до сотни купецкихъ кораблей разныхъ Государствъ подъ конвоемъ своимъ изъ Копенгагена и охранить ихъ отъ ограбленія Шведами. Адмиралы просили Царя нашего принять на себя званіе Главнокомандующаго соединеннаго флота, и онъ писалъ Графу Апраксину: «Посылаю ордеръ баталіи, сколько воинскихъ соединеннаго флота кораблей подъ штандартомъ Россійскимъ и сколько купецкихъ подъ конвоемъ; чаю, ваша милость сіе прочетши, пословицу свою не забудетъ, *что отъ роду первые*.»

5-го Августа 1716 года Петръ Великій поднялъ на кораблѣ своемъ «Ингерманландѣ» штандартъ при девяти пушечныхъ выстрѣлахъ; Англійскій Адмиралъ отсалютовалъ 21, а Голландскій и Датскій 27-ю выстрѣлами, причемъ Датская эскадра, въ знакъ уваженія своего, опустила до низу флаги и вымпела. Великій Адмиралъ отвѣтилъ 21 выстрѣломъ и сдѣлалъ сигналъ: сняться съ-якоря.

Весь флотъ этотъ состоялъ изъ 21 Русскихъ судовъ—не считая галеръ,—16 кораблей и 3 фрегатовъ Англійскихъ, 16 кораблей и 3 фрегатовъ Датскихъ и 25 Голландскихъ, всего 84. Царь дѣлалъ подъ островомъ Борнгольмомъ ученье и эволюціи всему соединенному флоту и сердце его радовалось, когда видѣлъ, что молодая морская сила его мало въ чемъ уступаетъ старымъ и опытнымъ флотамъ.

Проводивъ благополучно купецкій флотъ, но не встрѣтивъ Шведовъ, Царь 14-го спустилъ при общемъ салютѣ штандартъ свой и, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, отправился въ поморяны.

Въ память этого событія, столь радостнаго и необыкновеннаго, выбита была медаль, у которой на одной сторонѣ изображена глава Царя на пьедесталѣ, окруженная военными доспѣ-

хами, съ надписью: *Петръ Великій Всероссійскій. 1716 годъ;* а на другой сторонѣ Нептунъ на колесницѣ, запряженной двумя морскими конями, съ Русскимъ штандартомъ, Англійскимъ, Датскимъ и Голландскимъ флагами, и съ надписью: *Владычествуетъ четырьмя. При Боргольмѣ.*

Кромѣ того, это начальство соединенными флотами ознаменовано еще было принятіемъ въ число Русскихъ флаговъ, Англійскаго *жакета*, или того пестраго четыреугольника, который находится въ верхнемъ углу обыкновеннаго кормоваго флага военныхъ и купеческихъ судовъ Англіи и означаетъ соединеніе трехъ Королевствъ, ее составляющихъ. Адмиралъ Норрисъ поднесъ Государю флагъ свой при этомъ случаѣ и Его Величество, измѣнивъ только въ рисункѣ флага синій крестъ, идущій отъ средины каждой стороны, на крестъ съ угла на уголъ, или Андреевскій, далъ ему названіе *гюйса* и повелѣлъ, по примѣру Англичанъ, подымать его на всѣхъ приморскихъ укрѣпленіяхъ и на носовой части военныхъ судовъ, для такого же означенія ихъ крѣпостями плавающими.

КЛАДЪ НА КОРАБЛѢ.

Въ землѣ, говорятъ, счастливому дается иногда кладъ. Дѣло, какъ ни затѣйливо, а просто: одинъ съ великаго ума закопаетъ деньги, другой спроста набредетъ и вынетъ. Счастливому и въ зубахъ вязнетъ!

А слыхивалиль, что и на кораблѣ можно найти кладъ? — Коли вѣрить разсказу одной Англійской газеты, то стало быть можно.

Бригъ *Карлстонъ*, прослужившій срокъ свой въ морѣ, у купца, проданъ былъ на прѣсную службу, для перевозки по рѣкѣ Темзѣ, въ Лондонъ, каменнаго угля. Его купили три товарища: но вскорѣ почему-то опять разсудили перепродать, нашли покупщиковъ, но эти, осматривая судно съ молоточкомъ въ рукѣ, нашли, что одинъ изъ заднихъ бимсовъ долженъ быть съ изъянцемъ, то есть гнилой: дупло подъ обухомъ скажется. Покупщики согласили продавцевъ вынуть напередъ бимсъ этотъ для осмотра — и только что сдѣлали это, какъ хозяева, не вѣря глазамъ своимъ, закричали; «Не

годится, дуплястый — ступайте съ Богомъ, не годится!

Дупло-то нашлось, во всю длину бимса, да только безъ гнили, а набито было Испанскими талерами, на сто тысячъ цѣлковыхъ. Судно это, лѣтъ за 15, торговало черными невольниками — дѣло запрещенное, и за такими судами гоняются крейсеры всѣхъ Государствъ. Опасаясь погони, шкиперъ запряталъ въ выдолбленный бимсъ всю незаконную выручку свою; между тѣмъ судно все таки было взято, послѣ погони, шкиперъ съ командою бросили его и съ трудомъ сами спаслись бѣгствомъ. Кто взялъ призъ — не зналъ о кладѣ; судно было продано съ молотка, переходило изъ рукъ въ руки и досталось, съ дуплomъ и съ начинкой, угольнымъ перевощикамъ!

Не праведно нажитое огнемъ горитъ. Это сбывается видно не только на сушѣ, но и на водѣ.

И у насъ случилось что-то въ родѣ этого клада. На кораблѣ Императрица Марія заболѣлъ трюмный и собрался помирать. Зная что у него были деньги, фельдфебель пошелъ къ нему и, побесѣдовавъ, сказалъ: Ну, что, братъ, какъ плохо дѣло? Не ровенъ часъ; всѣ мы подъ-Богомъ ходимъ; у тебя жена есть, да и день-

женки, говорятъ, водятся: не накажешь ли чего, про случаи?

Что было у трюмнаго на умѣ—не знаю; чужая душа потемки; но онъ отвѣчалъ: Нѣтъ, женѣ моихъ денегъ не нужно; а станете искать ихъ—не найдете. Пусть же онѣ тому достанутся, кто ихъ найдетъ.

Трюмный померъ, и въ вещахъ его денегъ не нашли. Много лѣтъ спустя, въ 1848 году, когда корабль этотъ пошелъ въ сломку, увидѣли, что въ одномъ изъ шпангоутовъ на трюмѣ было выдолблено дупло и ловко задѣлано. Вынули задѣлку— и нашли 500 рублей.

Какъ нарочно, тотъ же офицеръ, который нѣкогда былъ ревизоромъ на этомъ кораблѣ и помнилъ отвѣтъ трюмнаго, служилъ теперь при портѣ и находился при сломкѣ. Онъ-то и догадался чьи это были деньги и какъ онѣ туда попали.

РАВНЫЙ БОЙ.

Рѣдко случается такой равный бой на морѣ, какъ былъ въ 1813 году, между двумя фрегатами, Англійскимъ и Сѣвероамериканскимъ.

Англійскій фрегатъ Шеннонъ крейсеровалъ около Американскаго города и порта Бостона, гдѣ стоялъ въ гавани фрегатъ Чизапикъ. Командиръ перваго, желая помѣряться со вторымъ, особымъ письмомъ вызвалъ его на поединокъ, съ тѣмъ, чтобы ни съ той, ни съ другой стороны не было никакого пособія. Поводъ къ этому вызову подало то, что тотъ же Американскій Капитанъ, командуя другимъ судномъ незадолго предъ тѣмъ, пустилъ ко дну Англійскій 18 пушечный бригъ, что и надѣлало много шуму и похвальбы.

1-го Іюля Шеннонъ взялъ у самаго входа въ Бостонскую гавань непріятельскую шкуну. Чизапикъ, стоявшій уже на-готовѣ, выпалилъ изъ пушки, отдалъ всѣ паруса, и поднявъ нѣсколько флаговъ въ разныхъ мѣстахъ, пустился изъ гавани.

Шеннонъ отошелъ отъ берега миль на восемь, на просторъ, и оставивъ шлюпку свою на бакштовѣ, чтобы не закрывать ею кормовыхъ пушекъ, ожидалъ непріятеля.

На Чизапикѣ, Американскомъ фрегатѣ, было 390 человѣкъ и 50 орудій; на Шеннонѣ, Англійскомъ, 330 человѣкъ и тѣ же 50 пушекъ. Судя строго, Американцы были сильнѣе: на 60 человѣкъ экипажа, на 52 фунта по вѣсу яд-

ра, и наконецъ даже по объему судна, на 69 тоновъ. Покрайней мѣрѣ Американцамъ нельзя сказать, чтобы они были чѣмъ либо слабѣе Англичанъ.

Шеннонъ остался подъ марселями и кливеромъ, съ поднятыми бомъ-брамъ-реями; Чизапикъ, подходя, убавилъ парусовъ, спустилъ бомъ-брамъ-реи и подошелъ къ Шеннону съ навѣтреннаго боканца, чтобы не быть подъ прямыми выстрѣлами его. Надѣясь обойтись съ фрегатомъ, какъ съ бригомъ, Американскій Капитанъ навелъ всѣ орудія свои на самую ватерлинію непріятеля; но какъ Американецъ сталъ приводить за тѣмъ къ вѣтру, не далѣе пистолетнаго выстрѣла отъ Шеннона, то фрегатъ нѣсколько болѣе накренился, ядра ушли въ воду и всѣ прошли подъ килемъ непріятеля. Если бы не сдѣлано было такой важной ошибки, если бы всѣ ядра Американца, на такомъ близкомъ растояніи, прошли на вылетъ въ подводную часть Англичанина—то можетъ быть дѣло рѣшилось бы иначе.

Англичанинъ направилъ пушки свои по нижней батареѣ противника. Первыми тремя выстрѣлами, изъ оконечной коронады и батарейныхъ кормовыхъ пушекъ, сбило на Чизапикѣ передніе паруса, отбросило прислугу отъ носо-

выхъ орудій, убивъ тамъ 8 человѣкъ команды и двухъ офицеровъ. А когда Шеннонъ, не торопясь, покончилъ первый рядъ выстрѣловъ со всего борта, ядрами, картечью, а также изъ ружей, то Чизапикъ былъ уже сильно разбитъ и ослабленъ. Онъ пробѣжалъ скоро мимо Шеннона, но въ то же время, отъ перебитыхъ кливершкотовъ, бросился къ вѣтру; паруса легли на стеньгу и фрегатъ взялъ заднiй ходъ. Капитанъ Лауренсъ и почти всѣ офицеры на верху были перебиты или ранены, такъ, что въ эту опасную минуту даже некому было распоряжаться. Второй огонь съ Шеннона былъ страшно разрушителенъ; отъ баку до шканецъ борты на Чизапикѣ были пронизаны ядрами и едвали не подъ сотню человѣкъ убито и ранено; всѣ гребныя суда и запасный рангоутъ избиты въ щепы, такелажъ перебитъ, ванты перешибены въ нѣсколькихъ мѣстахъ, передніе паруса въ лоскутьяхъ; мачты всѣ пробиты; до пяти орудій лѣваго борта негодны въ дѣло: штуръ-тросъ и даже штурвалъ перебиты; вся палуба завалена обломками, убитыми, изувѣченными.

Въ это время Чизапикъ, никѣмъ не управляемый, свалился съ Шенноном. Капитанъ послѣдняго, Брокъ, закричалъ: За мною! и бро-

сился на Американскій фрегатъ; бросились и другіе, а морской солдатъ Сондерсъ, закричавъ: «Ура баковымъ, придуши чортъ отсталаго!» кинулся съ баковыми на абордажъ.

Чизапикъ, попятившись задомъ и наваливъ на Шеннонъ, зацѣпилъ штульцомъ своимъ за запасный якорь непріятеля, который лежалъ, противу обычая, на гротъ-русленѣ. Когда штульцъ оторвало и суда опять разошлись, то на Чизапикѣ осталось, вмѣстѣ съ Капитаномъ Брокомъ, всего менѣе сорока Англичанъ. Капитанъ Брокъ былъ сильно ранепъ и зашибенъ ударомъ приклада въ голову; не смотря на это, на Чизапикѣ было все въ такомъ безпорядкѣ и растройствѣ, что Англичане, очистивъ верхъ отъ непріятеля, бросились въ палубу, перебили кого застали съ оружіемъ въ рукахъ, а покорныхъ собрали въ кучу и объявили плѣнными. Англичане жалуются, будтобы Американцы, послѣ покорности, снова измѣнически напали на нихъ, и будто въ это-то время и ранили Капитана, и убили, сквозь рѣшетчатый форъ-люкъ приставленнаго уже Англичанами часоваго. Американцы отпираются отъ этого, утверждая даже, будто Англичане били безоружныхъ. Истина, кажется, та, что при безначаліи и безпорядкѣ на Чизапикѣ, гдѣ почти всѣ офицеры были перебиты

или переранены, одинъ сдавался, другой продолжалъ драться, кому какъ случилось. Въ такой суматохѣ трудно удержать порядокъ.

Старшій Лейтенантъ Англійскаго фрегата, кинувшійся на абордажъ вмѣстѣ съ командиромъ, при помощи своихъ спустилъ Американскій флагъ и привязалъ падъ нимъ Англійскій. Въ суматохѣ онъ, по ошибкѣ, сталъ подымать фалъ не тѣмъ концомъ, а на оборотъ, и Американскій флагъ пошелъ на верхъ первымъ, а Англійскій подъ нимъ! эта несчастная ошибка стоила дорого самимъ же Англичанамъ: съ Шеннона въ ту же минуту пущено было ядро, которое своему же старшему Лейтенанту оторвало голову, а урядинку при немъ объ руки. По второму выстрѣлу только на Шеннонѣ замѣтили ошибку свою и пальба прекратилась. Подтянули съ бакштова шлюбку и послали въ помощь еще людей на Чизапикъ.

Тамъ нашли они страшное побоище: на Чизапикѣ было 70 убитыхъ и 100 раненыхъ. У Англичанъ потеря также была довольно велика: 24 убитыхъ и 50 раненыхъ.

БОРТНИКЪ НА САЛИНГѢ.

Нашъ фрегатъ Полюксъ, 25-го Октября 1809 года, шедши въ Свеаборгъ, ударился при 7 узлахъ ходу о неизвѣстный въ то время подводный камень у Финлядскихъ береговъ, близь острова Унаса и вскорѣ пошелъ ко-дну. Часть людей погибла, другая успѣла отвалить на гребныхъ судахъ, третья бросилась на ванты; а какъ фрегатъ стоялъ прямо и, погрузившись, сѣлъ не много глубже марсовъ, то бѣдняки эти и столпились на стень-вантахъ и салингахъ, откуда сняты были своимъ же катеромъ на другое утро.

Каково имъ было почевать въ этомъ положеніи—и говорить нечего; но на крюсъ-стень-вантахъ навязался въ товарищи бѣдствующимъ такой безпокойный сосѣдъ, что онъ измучилъ всѣхъ бывшихъ тамъ и довелъ до отчаянья: это былъ сынъ стараго костромскаго бортника, пошедшій охотой въ марсовые. На Полюксѣ жилъ ручной медвѣдь, бывало забавлявшій всю команду; и ему также не захотѣлось топиться, и онъ полѣзъ на салингъ, но тамъ никакъ не могъ успокоиться и примоститься, а во всю

ночь попытался сѣсть на-головы людямъ, прижимался къ нимъ и сталкивалъ ихъ, то подымался выше, не разбирая по комъ ступаетъ и за кого хватается лапами, то опять спускался, расталкивая всѣхъ, и искалъ себѣ почетнаго мѣста задомъ, какъ деревенская попадья на пирушкѣ. За то мишку покинули командиромъ на погибшемъ фрегатѣ, когда съ большою спаспостію, при волненіи, сняли бѣдствующихъ—и онъ, говорятъ, долго глядѣлъ вслѣдъ катеру и громко бранился.

1882 г.

ФИАСЕНИЕ.

Подумаешь—какихъ страстей нѣтъ на морѣ? Не даромъ говорится: Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ до-сыта Богу не маливался. Разобьетъ судно—потонешь; затопитъ его, опрокинетъ—не лучше того; упадешь въ море—туда же ко-дну; либо упадешь съ рея, да убьешься; либо убьетъ тебя переломленный нокъ рея, или брамъ-стень-га; либо захлеснетъ снастью, да выкинетъ за бортъ; или руки оторветъ при пушечной пальбѣ; либо живой сгоришь, какъ пожаръ сдѣлается, а не хочешь горѣть—топись; или подыметъ

на воздухъ, какъ взорветъ судно, что волоса своего не соберешь; либо смерчъ набѣжитъ — а ужъ о морскомъ сраженіи и говорить нечего — это сущій адъ!

Когда Государь Петръ Великій снаряжался въ морское сраженіе на Шведовъ въ 1713 году, то Адмиралъ Крюйсъ, страшась и одной мысли, что Царь могъ при этомъ погибнуть, упрашивалъ Его не итти самому съ флотомъ, и при этомъ случаѣ представилъ Царю докладъ, на которомъ было расказано нѣсколько примѣровъ бѣдствій на морѣ: такой-то Шведскій корабль разбило и всѣ погибли; такой-то Датскій корабль взорвало порохомъ, и прочее.

Петръ Великій написалъ на докладѣ этомъ Своей рукой:

«Дворянинъ Никита Долгій, ѣхавъ Окою, везъ себѣ бочонокъ пороху, который взорвало и Долгаго искалѣчило.»

«Годъ тому, какъ фейерверкомъ на Москвѣ подорвало подполковника Страсбурга и многихъ обожгло.»

«Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили; а Окольничій Засѣкинъ свинымъ ухомъ подавился.»

«Бояться пульки, нейти въ солдаты; или кому деньги дороже чести, тотъ оставь службу».

«Слишкомъ рисковать ни велятъ ни совѣтуютъ, а деньги брать и не служить — стыдно.»

Написавъ это, Государь прибавилъ: «Восьмнадцать лѣтъ, какъ служу своему Государству, и въ сколькихъ сраженіяхъ, дѣлахъ и осадахъ ни бывалъ, вездѣ отъ добрыхъ и честныхъ офицеровъ прошенъ былъ, дабы не отлучался, а не отсыланъ, дабы дома, яко дитя, сидѣлъ; но не хочу быть помѣхой доброму и нужному дѣлу и оставляю свою команду, предлагая только мнѣніе свое; а такимъ или инымъ образомъ, все равно, лишь бы дѣло было сдѣлано.»

Чтобы понять этотъ отзывъ Государя и научиться еще болѣе дивиться величію Его, надо объяснить, что Царь въ это время числился Шаутбенахтомъ (Контръ-Адмираломъ) Своего флота; а какъ Крюйсъ былъ Вице-Адмиралъ и Главный Начальникъ, то Петръ I, умѣя быть въ одно время и славнымъ Царемъ и послушнымъ подчиненнымъ, не хотѣлъ показать примѣра непослушанія. Не смотря на сильное желаніе быть при флотѣ, Онъ на сей разъ отъ этого отказался.

Въ другой разъ, когда дѣла съ Поляками, Турками, Саксонцами и Шведами были весьма запутаны, часть Поляковъ измѣнила тайно и перешла къ Шведамъ, которые также старались

усыпить и обмануть Царя пустословіемъ, а между тѣмъ подымали Турокъ и Татаръ на Россію, Петръ Великій писалъ Адмиралу Своему Апраксину:

«Здѣсь все еще дѣло и бездѣлье какъ брага бродитъ, и не знаемъ, что будетъ; однако, если все несчастія бояться, то и счастія не будетъ. Неопасеніе, конечно, въ бѣду вводитъ, но трусость прямо губитъ.»

ОТЕЦЪ И БРАТЪ.

Когда Петръ Великій пожаловалъ одного изъ вѣрныхъ слугъ Своихъ великими милостями и этотъ, тронутый милосердіемъ Царя, палъ передъ нимъ и назвалъ Его отцемъ, то Государь, назвавъ его по Русскому обычаю братомъ, сказалъ:

«Встань, братецъ; я приставъ надъ вами отъ Бога и моя должность чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отымать. Буде хорошъ будешь, то не столько мнѣ, сколько самъ себѣ и отечеству добра сдѣлаешь; а буде худъ, то я истецъ на тебя буду. Богъ отъ меня того за всѣхъ васъ потребуетъ, чтобъ за всякаго от-

вѣтъ далъ, чтобъ доброму и умному былъ просторъ добро творить, а злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдой; тогда въ началѣ Богъ и совѣсть твоя, а при немъ и я, тебя не оставимъ. Тогда найдешь ты во мнѣ и отца и брата.»

ХИЛКОВЪ СЪ ТОВАРИЩАМИ.

Давно уже, въ 1743 году, Мезенскій купецъ Окладчиковъ отправилъ изъ Бѣлаго моря въ Ледовитое судно, на китовый и тюленій промыселъ. Противными вѣтрами и льдами пронесло ихъ мимо Шпицбергена, къ нежилому островку. Тутъ затерло судно льдомъ и потому рѣшили отправить четырехъ человѣкъ на поискъ, на островъ, гдѣ по слухамъ была поставлена когда-то изба, для зимовки.

Четверо эти были: штурманъ Алексѣй Хилковъ, крестникъ его Иванъ, да Шараповъ и Вершининъ. По пловучимъ льдинамъ пробирались они слишкомъ три версты до берега, идучи налегкѣ, чтобы не потонуть. Они нашли избу, переночевали въ ней, и воротившись поутру за товарищами на берегъ, не вѣрили глазамъ сво-

имъ: передъ ними чистое море, по краї свѣта, ни льду, ни судна. Долго стояли они и не могли опомниться—не навожденіе ли это? Но наконецъ надо было повѣрить.

При нихъ было одно ружье и 12 зарядовъ; топоръ, ножъ, котелокъ, полпуда муки, трутъ съ огнивомъ, трубки съ табакомъ—и только. Какъ ни горестно было ихъ положеніе, на пежиломъ острову, на краю сѣвера, куда никто не заходитъ и гдѣ, вѣроятно, надо было имъ погибнуть; но па первый случаї они были спасены, тогда какъ товарищи ихъ погибли: судно затерло льдами, унесло, и опо пропало безъ вѣсти.

Потуживъ, воротились ребята наши въ избу, вычинили и ухитили ее мохомъ; лѣсу растущаго нѣтъ въ этихъ краяхъ, но выкидываетъ его много на берегъ, и они собрали топлива. На острову были олени, бѣлые медвѣди и песцы; жалѣя зарядовъ, плѣнники наши берегли ихъ для оленей, на мясо, а па медвѣдей ходили съ одними рогатинами; они нашли на берегу нѣсколько досокъ и брусьевъ, отъ какого-то разбитаго судна; въ брусьяхъ были гвозди и большой желѣзный крюкъ; нужда всему научитъ: Хилковъ съ товарищами устроили кузницу, выковавъ сперва голышомъ на голышѣ

изъ крюка молотокъ,а молоткомъ на голышѣ—изъ гвоздей—копья, насадили ихъ ремнями на ратовище изъ напоснаго лѣсу и этимъ воевали.

Но па бѣлаго медвѣдя, какъ сказывали они, итти страшно. Сперва они убили, двѣнадцатью зарядами, 12 оленей; а когда съѣли ихъ и голодъ сказался, тогда только пошли съ рогатинами на медвѣдя. Да, голодъ злодѣй: стараго добра не помнитъ.

Морозы стояли жестокіе, какихъ мы здѣсь и не знаемъ, а ночь въ тѣхъ мѣстахъ, куда солнце попадаетъ только лѣтомъ, ночь во всю зиму: тамъ вся зима одна ночь. Набравъ оленьяго жиру, заготовили они на эту нескончаемую ночь плошку; глины нашли они и хоть не гончары, а кой какъ плошку слѣпили. Но оказалось, что она пропускаетъ жиръ, поэтому сдѣлали они другую, обожгли ее и еще облѣпили тѣстомъ,—и въ ней горѣлъ у нихъ неугасаемый свѣтецъ.

Прошелъ годъ. Поселенцы наши смастерили лукъ, изъ какого-то корня, выкопутаго на берегъ, и стрѣляли имъ песцовъ и оленей. Медвѣжатина имъ также по вкусу пришлась—видно голодъ не разборчивъ—а изъ сухожилья медвѣжьяго они драли нитки, а также сдѣлали тетиву на лукъ.

Скоро одежда ихъ износилась въ отрепья и они принялись выдѣлывать сыромять оленью, съ шерстью и голую, и изъ нихъ шили себѣ обувь и одежду. На это надо было имъ смастерить напередъ иглу, изъ гвоздя или проволоки. По временамъ бѣлые медвѣди на нихъ нападали лето; перваго убили они, напавъ на него сами, а послѣ того оборонялись только и дружно ходили на тѣхъ, которые лѣзли къ нимъ въ избу, въ гости. Звѣрь этотъ сильно ихъ одолѣвалъ.

Прошелъ и другой годъ, и третій и четвертый—все одно, все тоже. Казалось, заключеникамъ нашимъ всѣмъ тутъ сложить кости свои. На шестомъ году житья ихъ на островѣ Вершинъ померъ. Простившись съ нимъ и схоронивъ его въ снѣгу, они вышли на берегъ розмыкать горе—во ожиданіи тойже участи—какъ вдругъ увидѣли издали судно.

Трудно, живучи съ людьми, понять радость этихъ невольныхъ отшельниковъ. Они развели огни, пустили дымъ подъ облака, и подняли на шестахъ одежду свою. Мореходы увидѣли знаки эти, подошли и прислали лодку.

Это было Архангельское же судно, шедшее къ Шпицбергену, и занесенное сюда непогодой.

Бѣдовики наши забрали съ собой все иму-

щество — что на пользу, а что на память, и 50 пудовъ звѣринаго сала и нѣсколько сотъ песцовъ, и рогатины свои и луки со стрѣлами. Они пробыли на островѣ 6 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Долго не могли они привыкнуть опять къ нашей пищѣ; ѣвши 6 лѣтъ одно только мясо, они не могли ѣсть хлѣба. Но на привычку есть отвычка: черезъ годъ со-днемъ и они опять вошли въ свою колею и снова жили съ людьми по людски.

БИТВА ПРИ АѲОНСКОЙ ГОРѢ.

Адмиралъ Сенявинъ, съ 8-ю кораблями, 1 фрегатомъ и 1 шлюпомъ, былъ при началѣ войны съ Турками 1807 года въ Архипелагѣ, гдѣ соединился съ Англійской эскадрой, бывшей съ нами за одно. Сенявинъ предложилъ Адмиралу Дукворту прорваться свозь Дарданеллы, сквозь узкій проливъ, сильно укрѣпленный съ обоихъ береговъ, и напасть на Царьградъ. Дуквортъ, прорвавшись уже однажды не задолго предъ тѣмъ, и именно 7 Февраля того года, и потерпѣвши при этомъ большія поврежденія, не со-

гласился и даже вскорѣ ушелъ къ Египетскимъ берегамъ.

Сенявинъ пошелъ одинъ къ проливу, занялъ островъ Тенедосъ, въ 25-ти верстахъ отъ Дарданелъ, и крейсируя тутъ, заперъ и флотъ Турецкій въ Мраморномъ морѣ, и самую столицу, отъ которой отрѣзанъ былъ 4 мѣсяца всякій подвозъ моремъ. Въ Царьградѣ насталъ голодъ и вновь воцарившійся Султанъ Мустафа съ угрозою приказалъ своему Адмиралу (Капуданъ-Пашѣ) выти, взять опять Тенедосъ и прогнать Русскую эскадру.

Къ Сенявину между тѣмъ подошли еще два корабля — итого десять — и онъ, узнавъ черезъ Грековъ о намѣреніи Турокъ, нетерпѣливо стерегъ ихъ, и нарочно отошелъ отъ Тенедоса къ острову Имбро, чтобы заманить и отрѣзать ихъ. Капуданъ-паша вышелъ въ началѣ Мая; приемъ было 8 кораблей, 6 фрегатовъ, 4 брига и до 50 канонирскихъ лодокъ и другихъ судовъ. Онъ поспѣшилъ къ Тенедосу и силился овладѣть имъ, но храбрый Козловскій полкъ держался, покуда не показались паруса нашей эскадры; тогда Турки оставили Тенедосъ и скрылись въ Дарданеллы. Расчитывая, однако, что Капуданъ-Паша, послѣ строгихъ повелѣній Султана, не осмѣлится долго оставаться въ ук-

рытіи и бездѣйствіи, Адмиралъ Сенявинъ поджидалъ его въ тѣхъ водахъ, и наконецъ 19 Іюня настигъ Турецкій флотъ, между острова Лемноса и материка, гдѣ Св. Аѳонская Гора. У Турокъ было въ этотъ разъ 10 кораблей, 5 фрегатовъ, 3 шлюпа и 2 брига.

Наши, будучи навѣтрѣ, тотчасъ на него спустились, а Турки вступили подъ паруса и стали строиться. Они были сильнѣе, и числомъ судовъ и числомъ пушекъ: у нихъ было ихъ 1200, у насъ 754. Сенявинъ отдалъ приказъ атаковать въ особенности три адмиральскіе корабля, стоявшіе по срединѣ Турецкой линіи, и напасть съ нашей стороны двумъ кораблямъ на каждый изъ нихъ, и взять ихъ, если можно, абордажемъ.

19-го Іюня въ 8 часовъ утра́ битва загорѣлась. Корабль Рафаилъ ударилъ прямо въ средину непріятельской линіи, перерѣзалъ ее и скрылся въ дыму. За нимъ Сильный, Селафаилъ, Уріилъ, Мощный, Ярославъ, подошли на пистолетный выстрѣлъ и открыли страшный огонь. Остальные четыре корабля кинулись на лѣвое крыло непріятельское, а Адмиралъ, на Твердомъ, и корабль Скорый, подошедши къ оконечности этого же крыла и ставъ поперегъ, били Турокъ жестоко продольными выстрѣла-

ми. Такимъ образомъ правое крыло непріятеля не могло вступить въ дѣло и перевѣсъ силы былъ на нашей сторонѣ.

Черезъ полтора часа Турки начали спускаться, а мы за ними, охвативъ ихъ полукругомъ. Но вѣтеръ стихъ; многіе изъ кораблей нашихъ сильно потерпѣли и не могли продолжать погоню, безъ починокъ, хотя бы на скорую руку; а Турки бѣжали сколько могли, за островъ Тассо, покинувъ 80-ти пушечный корабль Капудань-Бея, полнаго Адмирала, который и былъ взятъ Капитаномъ Рожновымъ на кораблѣ Селафаилъ. Другой корабль и два фрегата вошли въ Афонскій заливъ; Адмиралъ Грейгъ съ тремя кораблями пошелъ за ними, но Турки набѣжали на-берегъ и зажгли суда свои. На другой день Капудань-Паша сжегъ еще корабль и фрегатъ у острова Тассо, которые не могли за нимъ слѣдовать и достались бы намъ, и два ихъ фрегата потонули у острова Самондраки.

Такимъ образомъ Турки потеряли въ дѣлѣ этомъ три корабля и пять фрегатовъ, а остатокъ ушелъ, при маловѣтріи, въ самомъ разстроенномъ видѣ. У насъ было убито 77 человѣкъ, ранено 190 и 8 офицеровъ: непріятель имѣлъ множество убитыхъ и раненыхъ; на плѣнномъ кораблѣ убито 230 и ранено 160 человѣкъ; на

кораблѣ Капудана-Паши убитыхъ и раненыхъ до 500 человѣкъ.

КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Среди непомѣрныхъ трудовъ, по званію перваго мастера и перваго начальника по всѣмъ частямъ управленія, Государь Петръ Великій въ Октябрѣ 1724 года прошелъ на яхтѣ своей изъ Шлисельбурга по всему вновь пролагаемому каналу и осматривалъ работы. Оттуда отправился Онъ на Олонецкіе желѣзные заводы, много приказывалъ и приводилъ въ порядокъ и между прочимъ выковалъ своими руками полосу желѣза. И донынѣ живо преданіе, что мастеровые съ благоговѣніемъ смотрѣли на рослаго и статнаго исполина, который, скинувъ съ себя верхнее платье, ковалъ тяжелымъ молотомъ, со всѣми пріемами стараго, опытнаго кузнеца.

Отсюда Царь поѣхалъ въ Старую-Ладогу, въ Новгородъ, въ Старую-Русу, по конецъ Ильмень-Озера, гдѣ осматривалъ также начатой каналъ и солеварни, гдѣ входилъ самъ во все, училъ, показывалъ и дѣлалъ расчеты на рас-

ходъ дровъ и другія надобности. Отсюда Царь отправилъ нарочнаго съ отвѣтомъ въ Астрахань, по случаю войны съ Персіанами.

Въ началѣ Ноября Царь отправился на яхтѣ обратно въ Петербургъ, а оттуда прямо и не выходя на-берегъ, пошелъ на Лахту, для осмотра Сестрорѣцкихъ оружейныхъ заводовъ. Во все это время Царь хворалъ, но перемогался, за недугомъ, и поберечь себя не хотѣлъ. Погода стояла бурная и холодная; приставъ къ берегу, Государь увидѣлъ идущій изъ Кронштата ботъ, слишкомъ нагруженный солдатами и матросами, который сильно трепало вѣтромъ и волнами и бросило на мель.

Уже смеркалось; Царь остался на берегу и послалъ на помощь бѣдствующимъ лодку со своими людьми; но дѣло шло безтолково, бота не могли стащить съ мели, волненіемъ било его и Государь, не спуская глазъ, гнѣвался. Въ это время нѣсколько человѣкъ, сорванныхъ съ бота волной, приплыли къ берегу и выкинуты были полумертвыми. Царь не стерпѣлъ: Онъ тотчасъ самъ бросился на шлюпку. Съ большимъ трудомъ отвалили отъ берега, потому что волна выкидывала шлюпку; наконецъ справились, но шлюпка брошена была опять на отмель, не доходя до бота. Царь выскочилъ и

1882

по-поясъ въ водѣ пошелъ на помощь къ бѣдствующимъ.

Голосъ Его ободрилъ всѣхъ, привелъ всякаго въ память и, позабывъ на время опасность, всякъ молча исполнялъ приказанія Царскія и спѣшилъ Ему повиноваться. Ботъ былъ снятъ съ мели, приведенъ къ берегу и болѣе 20-ти человѣкъ на немъ находившихся были спасены. Прибывъ съ ними на-берегъ, Царь отправилъ напередъ слабыхъ при себѣ въ крестьянскія избы, и потомъ уже самъ переодѣлся.

Но дорого стало Россіи спасеніе этихъ двадцати человѣкъ. Всю ночь Государь лежалъ какъ въ огнѣ и, не могши ѣхать въ Систербекъ, на другой день тяжко хворый отправился въ Петербургъ.

Не безъ того, можетъ-статься, что и скорбь душевная, ожидавшая больнаго Государя въ столицѣ, еще болѣе усилила болѣзнь: Онъ узналъ здѣсь, что одинъ изъ знатныхъ придворныхъ Его, которому Онъ во всемъ вѣрилъ, обманывалъ и облыгалъ Его и бралъ за это взятки. Ни болѣзнь Царская, ни просьбы Царицы не спасли безчестнаго вельможу и онъ былъ казненъ.

Нѣсколько оправившись, но еще хилый и слабый, Царь обручилъ старшую дочь Свою, Ве-

ликую Княжну, за Герцога Голстинскаго, а Самъ день и ночь продолжалъ трудиться о правосудіи домашнемъ и о дѣлахъ всякаго рода; Онъ написалъ Своей державной рукой болѣе десяти указовъ—между прочимъ о сбереженіи корабельныхъ лѣсовъ—снова присутствовалъ въ Сенатѣ и издалъ много указовъ, относящихся до порядка, устройства, правосудія и просвѣщенія.

Въ такихъ заботахъ и частыхъ болѣзненныхъ страданіяхъ, послѣ жестокой простуды на Лахтѣ, насталъ новый 1725 годъ. Царь встрѣтилъ его въ Соборномъ храмѣ Св. Троицы и опять, по мѣрѣ силъ, началъ заниматься дѣлами. Уже нѣсколько лѣтъ тому, какъ Государь посылалъ суда изъ Архангельска, для испытанія прохода по берегу Ледовитаго моря, мимо всей Сибири, въ Восточную Индію; попытка эта, за льдами, не удалась,—какъ она не удается и понынѣ; Царь въ это время, заботясь о мореплаваніи нашемъ, опять назначилъ въ такой же поискъ изъ Камчатки Капитана Беринга, написавъ о походѣ этомъ наставленіе Своею рукой. И въ этомъ плаваніи впервые узнали, что Сибирь отъ Америки отдѣляется широкимъ проливомъ, который и названъ Проливомъ *Беринга*.

Но страданія Царя, при застуженной камен-

ноїй болѣзни его, усиливались и доходили уже временемъ до того, что Онъ говорилъ: «Изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человѣкъ!» Онъ слегъ и, повелѣвъ близь почивальни Своей поставить походную Церковь, 22-го Января исповѣдался и пріобщился. Всѣ бывшіе въ столицѣ врачи созваны были на совѣтъ, но страхъ и молчаніе ихъ показывали только, что помощи человѣческой приходитъ предѣлъ. 25-го сошлись во Дворцѣ Сенаторы, Генералы, высшіе чины всѣхъ службъ и Святѣйшій Синодъ. Никто болѣе себя не помнилъ, не помышлялъ о снѣ и пищѣ, не смѣлъ выговорить чего страшился и не зналъ что начать. Иные сидѣли опустивъ головы, другіе молча глядѣли во всѣ глаза на каждаго встрѣчнаго, третьи, какъ обезумѣвъ, начинали рыдать. Во всѣхъ Церквахъ [illegible] шли молитвы день и ночь, и народъ стекался толпами.

По прось[illegible] доброй Царицы, Царь объявилъ милость и прощеніе преступникамъ, кромѣ убійцъ, и все еще занимался дѣлами, будучи въ полной памяти, хотя весьма слабъ. Послѣднимъ повелѣніемъ Его, кромѣ прощенія бывшихъ подъ военнымъ судомъ, было о томъ, изъ какихъ доходовъ назначить содержаніе на Адмиралтейство! Тогожъ 26-го Января въ исходѣ втораго

часа дня, Царь вдругъ спѣшно спросилъ пера и бумаги—хотѣлъ что-то писать—перо выпало изъ рукъ исполина—Онъ призвалъ Цесаревну Анну Петровну, хотѣлъ ей велѣть писать—но не могъ уже выговорить ни слова!

Два Архіерея приступили къ одру и стали говорить о благодатномъ спасеніи нашемъ чрезъ Христа, полагая впрочемъ, что отходящій Царь уже не въ силахъ уразумѣть ихъ; но Онъ вдругъ приподнялся на одрѣ смерти и сказалъ внятно:

«Сіе едино жажду Мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ Меня!»; вслѣдъ за тѣмъ произнесъ: «вѣрую и уповаю»; потомъ, принявши Святое Причастіе, произнесъ «вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи! помози моему невѣрію.»

За тѣмъ смотрѣлъ Онъ на всѣхъ спокойно и милостиво, отвѣчая еще знаками, изъ чего и видѣли, что великій страдалецъ былъ въ полной памяти. Всѣ наполнявшіе Дворецъ не могли удержаться и вельможи съ рыданіемъ бросились къ одру отходящаго и стали прощаться. Собравъ послѣднія силы, Онъ вымолвилъ послѣднее слово: «Послѣ!» Понявъ, что прощаніе это Ему тягостно, всѣ вышли.

Еще болѣе полусутокъ страдалъ Царь и при Немъ безвыходно оставался духовникъ Его, Преосвященный Ѳеофанъ, который свидѣтельству-

етъ, что когда снова сталъ утѣшать отходящаго, воспоминая о вѣчномъ блаженствѣ и о цѣнѣ искупленія, тогда Царь «снлился возставать и правую руку вздымать и творить крестное знаменіе; а ликъ прояснился къ радости и весьма въ болѣзни торжествовалъ, яко несомнительный вѣчныхъ благъ наслѣдникъ.»

Пріобщившись вторично Св. Таинъ, Государь продолжалъ отвѣчать легкими знаками на увѣщанія и крѣпительную бесѣду духовенства; наконецъ прочитали и отходную; Царь лежалъ такъ тихо, что сомнѣвались, живъ ли онъ еще; прошло не много времени и Царица, у которой лежалъ Царь на рукахъ, съ воплемъ упала лицемъ на бездыханное тѣло супруга Своего: всему конецъ!

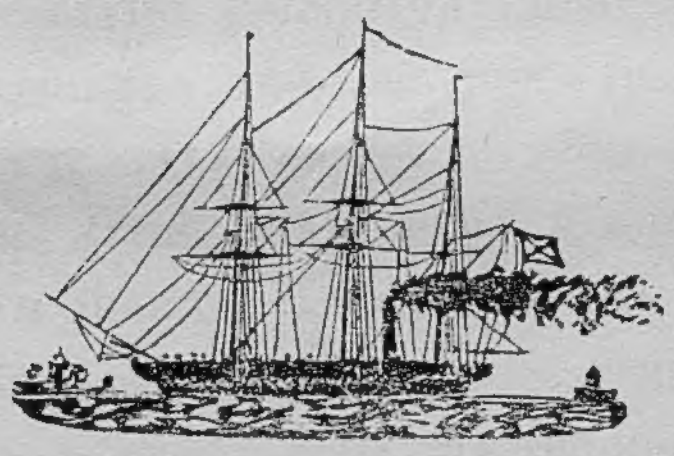
Это было 28-го Января 1725 года, въ четверть шестаго часа утра. Застонали всѣ покои Царскіе, весь дворецъ—и стонъ разнесся по улицамъ и жильямъ столицы, а оттуда по всему Царству. И послѣдняго, неразумнаго человѣка обнялъ страхъ и жалость: что теперь будетъ изъ насъ, что будетъ съ землею Русскою, когда не стало Петра?

Онъ скончался на 53-мъ году отъ рожденія, на 42-мъ отъ Царствованія, на 36-мъ отъ единодержавія Своего, Сенатъ, Сунодъ и высшіе

чины тотчасъ присягнули на вѣрноподданство короноваиной Супругѣ Его, Императрицѣ Екатеринѣ Первой.

Императоръ Петръ Великій былъ ростомъ двухъ аршинъ и четырнадцати вершковъ; лице полное, смугловатое, глаза черные съ огнемъ; чело, носъ и уста благообразные. Волоса темные, почти черные, которыхъ онъ не пудрилъ—по тогдашнему обычаю,—не отращалъ и не завивалъ, а просто зачесывалъ; усъ небольшой. Вся осанка и видъ Царя былъ грозный, воинскій, но въ тоже время умный и милосердый. Голосъ его былъ звучный, ясный; говоръ чистый, сановитый: рѣчь кроткая, сильная, убѣдительная. Походка стройная, величавая; сложеніе сильное и крѣпкое: во всѣхъ пріемахъ величіе и смѣлость; всегда и всюду Онъ, и по самой наружности, отличался отъ всѣхъ, такъ—говоритъ живое преданіе—что когда Петръ Великій бралъ изъ рукъ плотника топоръ, то всѣ окружали Его съ любовію и изумленіемъ: ни у кого изъ вѣрноподданныхъ Его не было такихъ сановитыхъ пріемовъ, такого смѣлаго и вѣрнаго взмаха. Обращеніе Его было прямое и простое; одежда, не по обычаю, проста—полукафтанье плотнаго сукна. Онъ былъ трудолюбивъ и работящъ, не терпѣлъ роскоши, ненавидѣлъ

ложь и всякую неправду, но всегда прощалъ и миловалъ кающагося грѣшника. Поди, и впредь не будь таковъ, а бойся Бога—это былъ отвѣтъ Его тому, кто винился.



2193

АКАДЕМИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
им. И. Е. Ворошилова

1882 г.

2р. 50к.

25р.

27700